

25
1

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Издательство Императорского Русского Географического Общества
Центральная Типография А. С. Суворина

п. 26477.

ТОМЪ XX. 1884

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

1885

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ПАМИРЪ

Д. Л. Иванова.

I.

Читано въ общемъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,
11 апрѣля 1884 г.

Господа!

Въ глубокой еще древности страна верховьевъ Окса уже привлекаетъ вниманіе народовъ и изслѣдователей. Близость одной изъ самыхъ восточныхъ провинцій великаго царства Александра Македонскаго — Бактріаны, къ этому „сердцу земли“ и „колыбели человеческого рода“ дастъ матеріалъ для ученыхъ работъ греческихъ классиковъ. Въ VII в. по Р. Х. мы уже встрѣчаемся въ запискахъ знаменитаго китайскаго путешественника Сюань-цзана съ именемъ „Помило“, который былъ имъ посѣщенъ по пути изъ Бадахшана въ Кашгарь. 600 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, Марко-Поло открываетъ собою эру путешествій европейскихъ изслѣдователей на „Памиръ“. Наибольшей производительностью въ этомъ отношеніи отличается наше столѣтіе. Англичане съ юга, русскіе съ сѣвера все глубже и глубже проникаютъ на „Крышу міра“. Первые обстоятельнѣйшія непосредственныя изысканія, безспорно, принадлежатъ англичанину Вуду (1838 г.), которому, между прочимъ, обязано Большое Памирское Озеро своимъ звучнымъ наименованіемъ „Озера Винторіи“. Семидесяте годы были самые богатые по части разнообразныхъ экспедицій на Памиръ, изъ которыхъ наиболее видное мѣсто занимаютъ большая англійская экспедиція Форсайта и со стороны Россіи экспедиція доктора зоологіи Сѣверлова.

Но, не смотря на богатство материаловъ, добытыхъ этими экспедиціями, на вартѣ Памира еще оставалось слишкомъ много бѣлыхъ патенъ, точно также какъ и много противорѣчивыхъ распросныхъ данныхъ, не было прочной связи въ русскихъ и англійскихъ съемкахъ и, наконецъ, чувствовалась сильная разрозненность даже и въ тѣхъ материалахъ, которые были добыты непосредственными изысканіями путешественниковъ.

И вотъ, въ прошломъ 1883 году изъ Туркестана снаряжается экспедиція, на долю которой вышла задача пополнить тѣ географическія пробѣлы, которые оставались еще на Памирѣ, и связать все добытое въ одно стройное цѣлое.

Вы уже знакомы, гг., съ общимъ маршрутомъ нашей экспедиціи по Памиру изъ моего письма съ Алай, которое помѣщено въ „Извѣстіяхъ“ Общества ¹⁾; теперь я сообщу вамъ дополнительные осенніе маршруты по Каратегину, Дарвазу и Кулябу.*

Но, прежде чѣмъ представить на судъ ваше добытые экспедиціею результаты, справедливо будетъ сказать два слова о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ экспедиція должна была дѣйствовать. Едва ли я преувеличу, сказавъ, что условія эти были въ высшей степени невыгодны, крайне неудачны условія. Казалось, что все соединилось вмѣстѣ, чтобы затруднить дѣло экспедиціи.

Начну съ ея организціи. Вмѣсто предполагаемаго въ началѣ обширнаго персонала, въ который входили астрономъ, офицеръ генеральнаго штаба, геологъ, натуралистъ, препараторъ, топографъ, переводчикъ, даже художникъ, — число членовъ экспедиціи, какъ вамъ извѣстно, сократилось до трехъ.

Денежныя средства были также сильно урѣзаны противъ предполагаемаго расцѣта, и опущены самыя скромныя, чтобы не сказать болѣе: генераль-губернаторъ, съ своей стороны, намѣлъ возможнымъ отпустить только 1.900 руб., всѣ же ресурсы (вмѣстѣ съ перевозкой фуража и провіанта для 12-ти казачьихъ конвои) равнялись 6.000 руб.

Вопросъ объ осуществленіи экспедиціи былъ рѣшенъ менѣе чѣмъ за мѣсяць до ея выступленія и всѣ приготовления къ ней должны были быть сдѣланы экстренно, что повело, конечно, ко многимъ затрудненіямъ. Переводчика замѣнилъ простой джигитъ, едва понимавшій по русски.

Нашъ кашгарскій консулъ г. Петровскій, проживавшій тогда

въ Ташкентѣ, почему-то не считъ нужнымъ предупредить кашгарскія власти о нашемъ движеніи на Кашгарскій Памиръ, вслѣдствіе чего сложилась масса затрудненій со стороны китайцевъ, которые прямо потребовали нашего удаленія съ праваго берега Аль-су и запретили кому либо изъ киргизъ наниматься къ намъ въ проводники, а тѣхъ, которые служили намъ раньше и получали отъ насъ подарки, они наказывали ногайками и выслали въ Кашгаръ вмѣстѣ съ семьями. Это навело панику на киргизское населеніе Памира и сдѣлало для насъ чрезвычайно затруднительнымъ достать проводниковъ. Въ то же время афганцы зашли Шугнанъ и, такимъ образомъ, закрыли намъ возможность изслѣдованій на западѣ Памира.

Точныхъ свѣдѣній о способѣ снаряженія экспедиціи на Памиръ мы почти не имѣли; были только слухи, весьма распорѣчивые, а на основаніи этихъ слуховъ мы сдѣлали весьма серьезную ошибку, забравши очень много ячменя для лошадей и очень мало муки и сухарей для людскихъ желудковъ, вслѣдствіе чего впоследствии пришлось лошадиный ячмень употреблять какъ провіантъ.

Оптический магазинъ Рихтера не выслалъ инструментовъ, выписанныхъ болѣе чѣмъ за полгода до начала экспедиціи и его аверюрь, биномъ и минимумъ-термометры я получилъ уже въ ноябрѣ, возвративъ въ Ташкентъ, т. е. ровно черезъ годъ. Нѣкоторые нужные для экспедиціи литературные материалы, бывшіе въ Публичной библиотекѣ въ Ташкентѣ, оказались недоступны для насъ, потому что Публичная библиотека была закрыта новымъ генераль-губернаторомъ и лежала тогда въ запечатанныхъ ящикахъ. Мы даже не могли подучить открытыхъ листовъ отъ генераль-губернатора, потому что время выступленія экспедиціи совпало съ изысканіями генерала Черныева на Мертвомъ Култукѣ. Словомъ — все было противъ насъ. Единственными отрядными звѣздочками среди этого пассивнаго отношенія свѣтились участливое и искреннее отношеніе къ экспедиціи генерала Жилинскаго, начальника военно-топографическаго отдѣла, по инициативѣ котораго и была организована экспедиція, генерала Абрамова, бывшего тогда Ферганскимъ губернаторомъ, и маленькаго дружнаго общества г. Оша, съ полковникомъ Юновымъ во главѣ, гдѣ экспедиція окончательно была сформирована. Ихъ содѣйствіе и ихъ душевное сочувствіе на столько были дороги намъ, что я съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы предъ лицомъ нашего почетнаго Общества выразить горячую благодарность этимъ лицамъ.

¹⁾ Т. XIX, отд. II, стр. 336.

Таким образом, вы видите, съ какой серьезной массой сторонних затруднений приходилось бороться нашей экспедиции, помимо борьбы съ природными условиями, съ естественнымъ искомнымъ недоброуміемъ къ намъ туземнаго населенія и съ ограничѣнностью свѣдѣній о мѣстностяхъ, нигдѣ еще до насъ не посѣщенныхъ.

Я долженъ коснуться первого моего письма съ Памира, напечатаннаго въ „Извѣстіяхъ“ и снабженнаго карточкой съ маленькимъ предисловіемъ. Письмо это по многимъ обстоятельствамъ не могло быть на столько полно, чтобы по нему можно было сдѣлать здѣсь, въ Петербургѣ, исправленіе старой Памирской карты и потому въ приложенную къ нему карточку Памира вкрались весьма существенныя ошибки.

1) Такъ, первая ошибка касается верховьевъ рѣки Гези. Гезь образуется изъ трехъ ручьевъ, именно: Киягъ-баши, который я называю *Сѣверной Гезью*; р. *Каразакъ* (низовье ея — Рингъ), который бѣжитъ съ запада отъ горъ Большаго Каракуля и Рингъ-куля, и *Южной Гези*, направляющейся отъ горы Мустагъ-ата чрезъ Малый Каракуль къ Булюгъ-кулю на соединеніе съ Сѣверной Гезью, послѣ чего р. *Гезь* прорываетъ Кашгарскія горы и выбѣгаетъ въ котловину Джиттышара.

2) Затѣмъ, *перевалъ Бендерскіаго* показанъ слишкомъ далеко къ западу, гдѣ горы уже непроходимы совершенно; перевалъ этотъ лежитъ въ сосѣдствѣ съ переваломъ Уртабелъ.

3) На той же картѣ не показано маршрута моихъ товарищей по экспедиции внизъ по р. Ваханъ до укр. Кала-и-Панжъ.

4) Смѣшана рѣка *Шагдара* съ руч. *Тонузъ-булакъ*: первая рѣка сливается съ р. *Гунтъ* у самаго гор. Варляжа, а *Тонузъ-булакъ* впадаетъ въ *Гунтъ* при сел. Сардымъ, верстахъ въ 40 отъ начала этой рѣчки, т. е. отъ западнаго конца оз. Яшлы-куля.

5) Есть нѣкоторая ошибка относительно положенія *перевала Кара-булакъ*, который показанъ прямо къ сѣверу отъ Сереза, тогда какъ изъ этого селенія надо было идти цѣлый день назадъ по Мургабу до устья ручья Карабулака.

Что касается до нѣкоторыхъ подробностей, изложенныхъ въ упомянутомъ предисловіи и относящихся до западной окраины Памира, то о нихъ я считаю болѣе удобнымъ сказать въ специальной части моего сообщенія.

Теперь же объясню пути, которыми прошла экспедиція, поочинивъ съ Памиромъ.

Въ своемъ алайскомъ письмѣ, я остановился на томъ моментѣ, когда оба отряда экспедиціи собрались въ Дараутъ-курганъ. Это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда кап. Путята съ Бендерскимъ переваливали Джанги-даваномъ на Велешъ-киагъ, у нихъ остановились хронометры и Бендерскій простудился. Простуда эта усилилась на другой день, когда Бендерскій, проходя внизъ по Велешъ-киаку, принужденъ былъ безъ теплаго платья ночевать у ледника Федченк. Вслѣдствіе всего этого, произошла задержка экспедиціи: Путята поѣхалъ въ Маргеланъ заводить хронометры для новаго рейса, а Бендерскій слегъ въ Дараутъ-курганъ съ признаками воспаленія легкихъ, на рывахъ такого отряднаго доктора, который до сихъ поръ занимался только геологическими изслѣдованіями. Но какъ бы то ни было, надо было пустить въ ходъ всѣ походныя средства, ибо температура больного доходила до 41° С.

Вѣроятно, привычка къ походамъ, а главное прекрасная алайская погода, прочно установившаяся въ началѣ осени, побороли болѣзнь и въ прѣздѣ Путаты Бендерскій уже сталъ ходить, такъ что отрядному доктору можно было оставить его и обратиться къ помощи своимъ обязанностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, время уходило зря: температура равнялась 12 градусамъ, нужно было торопиться захватить перевалъ черезъ горы Петра I въ долину Оби-Хингоу еще до закрытія ихъ снѣгомъ. Вышелъ я 30-го сентября, оставивъ другой отрядъ въ Дараутъ-курганѣ. Пройдя вдоль Кизиль-су, я отъ Муйпака свернулъ на югъ къ пер. Гардани-вафтаръ. Но въ тотъ день, когда я подошелъ къ этому перевалу, его завалило снѣгомъ и я, не дойдя верстъ восемь, долженъ былъ по грудь въ снѣгу и среди страшнаго бурана возвратиться 9-го октября обратно.

Эта поѣздка въ топографическомъ отношеніи разъяснила, что р. Оби-хингоу имѣетъ справа притокъ, который по мѣстамъ называется Кулия (въ верховьи) и Шахулы (въ низовьи) ¹⁾, и который, начинаясь на сѣверной сторонѣ хребта Петра Великаго, прорываетъ эту огромнѣйшую цѣпь и соединяется съ верхней Оби-хингоу. Долина послѣдней дѣлится на двѣ провинціи — верхнюю Вахія и нижнюю Гудльзъ, что и дало поводъ на прежнихъ картахъ называть и самую рѣку именемъ Вахія, хотя рѣка на всемъ теченіи называется одинаково Оби-хингоу, т. е. „мутная рѣка“.

Выйдя снова на р. Сурхабъ, я двигаюсь на западъ съ намѣ-

¹⁾ Устье Шахулы носитъ названіе Оби-ранау.

рением перейти Петровы Горы через слѣдующій перевалъ Люлихарви. Ночью подъ переваломъ. Ночью поднимается вьюга, а на утро мнѣ объявляютъ, что перевалъ закрылся. Я иду къ Гарму и оттуда, наконецъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Петровы Горы значительно понижены, мнѣ удается сдѣлать нужное переѣзженіе ихъ. Выйдя на рѣку Оби-хингоу у Чиль-дари черезъ перевалъ Камчиракъ, я направляюсь затѣмъ къ укр. Тавиль-дара, далѣе къ Сагирдашту черезъ пер. Захбурсы, а отсюда новымъ переваломъ Ахба-Рабать къ столицѣ Дарваза — Кала-и-Хуму.

Быль уже конецъ октября, стало крайне холодно, пачались бураны, дожди, у меня такъ разыгрался ревматизмъ въ правой рукѣ, что я не могъ держать молотокъ. Времени, оставшагося до нашего возвращенія, едва хватало и я рѣшился вернуться, не дѣлая поѣздокъ по Дарвазу ни къ востоку, ни къ западу.

На обратномъ пути я сдѣлалъ небольшую петлю отъ Сагирдашта на Оби-хингоу, а узнавъ въ Чильдарѣ, что перевалъ Камчиракъ едва ли проходимъ въ это время, я двинулся внизъ по Оби-хингоу, вдоль Гуллеза. И даже здѣсь, при переходѣ черезъ низкій и нетрудный перевалъ Яфучъ въ 7000 фут., шедшій дождь съ снѣгомъ образовали такую грязь, что едва можно было спустить лошадей. Отъ Гарма я возвращался по правому берегу рѣки, сдѣлавши нѣсколько мелкихъ частныхъ поѣздокъ въ сѣверныя горы. Думать о переходѣ изъ Каратегина въ Фергану было невозможно, ибо ни одинъ перевалъ Алайскаго хребта не былъ въ то время доступенъ. Мнѣ оставалось двигаться назадъ къ Дараутъ-бургану, и въ половинѣ ноября я прошелъ въ Маргеланъ Исфайралскимъ переваломъ.

Путя съ Бендерскимъ выехали въ Каратегинъ дня черезъ два послѣ меня. Изъ Гарма Пуляга направлялся въ Тавиль-дару, откуда черезъ Болезакъ перевалили въ верховья рѣки Акъ-су, или, какъ онъ называется, Яхъ-су (не знаю, что върѣе: одно означаетъ „Объдую“, другое „леданую“ рѣку, — можетъ быть это только отгѣнокъ произношенія *акъ*, который и записанъ Пулягой). Идя внизъ по долини Акъ-су, онъ дошелъ до Кулиба, а оттуда направился на югозападъ къ Аму-дарѣ, именно къ укр. Сіябъ и Калаи-пшккае. Далѣе, отойдя отъ Аму, черезъ урочище Пархаръ и два перевала Урта и Кизиль-коча дошелъ снова до Аму-дарьи у Ауль-сарая (Ичва). Оттуда повернулъ на сѣверъ, достигнувъ, чрезъ Абагъ-аддыр и разв. Кяфиръ-кала, г. Курганъ-тюпе, изъ котораго направился на р. Вахшъ у Кизиль-кала и потомъ, вдоль руч. Ситгау до-

стичъ г. Кафирнагана. Дальнѣйшій его путь, общій съ Бендерскимъ (который выехалъ прямо чрезъ бухарскій Файзабадъ), идетъ извѣстной дорогой чрезъ Гиссаръ, Сарыджунъ и Шахрисабъ на Самаркандъ.

Чтобы вамъ легче ориентироваться среди подробностей новой памирской карты, я считаю нелишнимъ сдѣлать предварительно краткій топографическій очеркъ той страны, которая еще такъ недавно была извѣстна только отрывками и для очень многихъ была знакома лишь какъ одно звучное имя „Памиръ“. Страна эта лежитъ въ верховьяхъ Аму-дарьи, составляющей изъ двухъ главныхъ рукавовъ. Одинъ, сѣверный—Кизиль-су или Сурхабъ („Красная рѣка“) въ верхнемъ теченіи принадлежитъ грандіозной долини Алай; изслѣдованія здѣсь произведены до насъ довольно подробно: въ свое время тамъ работали Федченко, первый проникшій на Алай еще въ кокапскія времена, затѣмъ Сѣверцовъ, Мукшетовъ, Опанинъ, которому принадлежатъ изслѣдованія Каратегина, и многие другіе, а также сдѣланы многочисленныя топографическія съемки. Другой рукавъ, южный—Плнжъ представляетъ очень сложную систему развѣтвленныхъ по мѣрѣ движенія въ его верховья. Самая главная рѣка въ этой системѣ Акъ-су—Мургабъ, которая своими теченіемъ принадлежитъ Памиру на разстояніи 325 верстъ (до Сереза); остальные вереть 150 составляютъ почти недоступную тѣснину Рошана. Бассейнъ Акъ-су самый обширный на Памирѣ. Изъ притоковъ, имѣющихъ наибольшее серьезное значеніе, я укажу, съ лѣвой стороны, на *Исттыкъ* (самый большой), съ правой—со стороны Кашгута и Тагдუმ-баша *Каракуль* и *Хангъ-юль*, затѣмъ сухой лѣтомъ *Козъ-авиль*, *Албайталъ* со стороны Рангъ-куля, *Суукъ-сай*—важный своей обходной дорогой—и *Кудурру*, оба уже въ области тѣсниннаго Мургаба.

Слѣдующія рѣки, важныя для Памира, будутъ: 1) *Вазанъ-дарья*, верховья которой есть *Алманно*; 2) р. *Памиръ*, вытекающая изъ Вольшого Озера; многочисленные притоки этой рѣки незначительны и имѣютъ значеніе по пролегающимъ вдоль нихъ путямъ, какъ напр. *Хароитъ*, *Масъ*; 3) Шугнанская рѣка составляетъ изъ двухъ—*Амчюра*, берущей начало въ центральной части Памира, пробѣгающей оз. Яшилъ-куль, изъ котораго выходитъ уже подъ именемъ *Гунта*, принадлежащаго Шугнану, и другой р. *Шахъ-дарья*; среднее и нижнее теченіе Гунта и Шахдари, занятыя селеніями, и составляютъ основу Шугнана.

Кромѣ перечисленныхъ рѣкъ, принадлежащихъ Амударьинскому бассейну, къ Памиру же имъ должны отнести и его Кашгарскую

часть, относящуюся къ бассейну Тарима — *Маркань-су*. Область *Гези* и верховья Ташкурганской рѣки съ притокомъ *Тазарма*. Водораздѣль этихъ бассейновъ въ большинствѣ пунктовъ весьма незначителенъ и идетъ въ видѣ неправильной изгибающейся линіи.

Теперь же и назову и тѣ линіи горъ, проходящихъ по Памирскому нагорью, которыя наиболѣе рѣзко обрисовываются при первомъ взглядѣ на карту. Самой главной горной цѣпью является *Памирская*, проходящая между р. Памиромъ и Аличуромъ; къ югу отъ нея и параллельно ей идетъ *Ваханская цѣпь*, которая отдѣляетъ Ваханъ отъ р. Памира и тянется въ верховья Акъ-су въ направленіи ОНО; къ сѣверу отъ Памирской цѣпи, по обѣимъ сторонамъ Мургаба, идутъ двѣ линіи горъ — *Аличурскія* и *Мургабскія*, послѣднія изъ нихъ доходятъ до пер. Улугъ-рабатъ (водораздѣла р. Тагары и Южной Гези); къ сѣверу отъ Рингъ-кули идетъ водораздѣльная гряда (между двумя главными бассейнами Аму и Тарима), которую я называю *Ринкулъской*; на западѣ она совпадаетъ съ параллелью перевала Кокуй-белъ и Тахта-горумъ; примыкающая къ этой грядѣ другая часть водораздѣльныхъ горъ, проходящая по восточной сторонѣ В. Каракуля, мною названа *Каракулъскими Горами*; наконецъ, самая восточная граница Кашгарскаго Памира выражается въ видѣ высокихъ горъ *Кашгарскія*. Этими указаніями я и ограничусь на сей разъ, видѣлая болѣе подробный разборъ Памирской орографіи въ специальную часть своего сообщенія.

Если теперь вы припомните указаніе мною маршруты 1883 г., то для васъ уже должно до нѣкоторой степени выясниться значеніе нашей экспедиціи по отношенію разъясненія топографическаго характера мѣстности и общегеографическихъ условий, въ которыхъ находится Памирь.

Припомнимъ, что Н. А. Сѣверцову удалось прорѣзать Памирь по одной только почти меридіональной линіи, Кизиль-артъ — Акбайталъ и закончить далеко не всѣмъ Аличуромъ (онъ не былъ въ его верховьяхъ и въ самомъ низовьи). Затѣмъ экспедиціи Форсайта удалось сдѣлать узкую петлю по двумъ параллельнымъ дорогамъ, именно по верховьямъ Акъ-су и Ваханъ-дарьи и по рр. Памиру и Истну (такъ наз. Малый и Большой Памиры). Кроме того, англійская экспедиція, предпринятая въ зимнее время, была поставлена въ чрезвычайно невыгодныя условия по отношенію къ изслѣдованіямъ, когда весь Памирь было покрытъ снѣжнымъ ковромъ, который скрывалъ и подробности строенія мѣстности, и оригинальный характеръ памирской жизни. Наша экспедиція, несмотря на

многія препятствія, успѣла исчертить Памирь во всевозможныхъ направленіяхъ и въ болѣе удобное время. Мы выступили съ Алая 14 іюня и ушли съ Памира (если считать за крайній пунктъ передъ Алаемъ Алтынъ-Мазаръ) въ концѣ сентября. Пашей экспедиціи удалось посѣтить и широкія озерныя и многоводныя рѣчныя долины исключительно памирскаго типа, и сухія широкія котловины, раздѣленные весьма низкими грядками; побывать и на трудно доступныхъ перевалахъ весьма высокихъ горъ, и въ каменистыхъ ущельяхъ и тѣснинахъ, которыя проходимы только въ известное время года, а въ другое время недоступны даже для пѣшеходовъ; видѣть и горныя долины заросшія лѣсомъ, въ пониженныхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже начинается осѣдлость и земледѣліе, и въ то же время побывать на ледникахъ. Двѣ прямыя линіи, проведенныя перпендикулярно на вартъ, дадутъ слѣдующія цифры: по меридіану отъ пер. Таддиль въ Алайскихъ горахъ на югъ до р. Альяманъ въ сѣверномъ Гиндукушѣ болѣе 300 верстъ; по параллели отъ кашгарскаго Ташкургана на востокъ до шугнанскаго Сардыма на западѣ верстъ 250. Если во всей площади таалайскаго Памира, равняющейся 67.000 кв. верстъ, и остались небольшія пятна, непосѣщенныя экспедиціей, то эти пространства въ топографическомъ отношеніи совершенно ясны: во первыхъ, они обйдены экспедиціей со всѣхъ сторонъ; во вторыхъ, о нихъ собраны очень подробные разсказы въ разныхъ мѣстахъ, и наконецъ ихъ общій характеръ выясненъ осмотровъ со многихъ высокихъ пунктовъ, окружающихъ эти мѣстности. То, что осталось важнаго, чего экспедиціи или совершенно не могла выполнить, или не выполнила по нѣкоторымъ частнымъ причинамъ, есть слѣдующее: нѣтъ пересѣченной Кашгарскихъ горъ по Улугъ-арту и Гези; нѣтъ непосредственныхъ изысканій въ самомъ интересномъ юговосточномъ углу (въ сторонѣ такъ наз. Тагдубаша, сюда же относится и верховья Альяманъ); нѣтъ прочной связи съ Читралемъ чрезъ Борь-агиль и, наконецъ нѣтъ изслѣдованій въ Вадахманѣ, Западномъ Шугнанѣ и Южномъ Дарвазѣ. Кроме того, можно указать, пожалуй, еще на сѣверъ одну часть, которая можетъ интересовать только геологовъ — это верховье Каракулъской Западной Кара-джили и особенно Суугъ-сай, такъ какъ по всѣмъ даннымъ именно это ущелье снабжаетъ золотомъ Мухъ-су въ такомъ количествѣ, что оно съ выгодой добывается не только тамъ, но и подъ Гармомъ, т. е. на огромномъ пространствѣ при массѣ проносимой подвижной гальки и песку по широкому руслу Мука и Сурхаба. Вотъ тѣ задачи, которыя

собственно и будут предстать прежде всего будущим экспедициям в область Памира.

Перехожу к добытому материалу и прежде всего познакомлю вас с теми местностями, которые экспедицией были посещены впервые, и которые для общего характера орографии Памира имеют серьезное значение. Начну по порядку наших маршрутов от Большого Каракула.

Пройдя через огромный перевал в 16.400 футов, экспедиция вступила в поперечную долину Кара-арта чисто горного типа, сплошь заваленную моренными валунами и только с небольшими пятнышками луговой зелени вдоль ручья. В своем низовьи эта долина прорывает Кашгарские горы, входя в теснину, едва ли даже проходимую во всякое время года. Сужу потому, что главный перевал находится западнее теснины.

Повернув к востоку и взойдя на второй (восточный) перевал Куш-бел (13.600 ф.), мы увидели долину Северной Гези—наиболее характерную часть Кашгарского Памира. Перезу нами тянулася широкая правильная долина, изменяющая к низу направление из WNW в NW, от перевала верста на 70. Долина ограничена с правой стороны мелкими склонами отрогов, а с левой стороны, т. е. с северо-восточной, правильной цепью Кашгарских гор, которая здесь носит местное название Кырк-ку, т. е. „сорок гор“. Можно действительно, кажется, насчитать их сорок правильных вершин и между ними такое же число правильных, чрезвычайно однообразно расположенных ущелий. Горы кажутся в вид рёзной зубчатой линии с высокими пиками и с весьма глубоко взрѣзанными перевалами или вѣрнѣе, сѣдловинами, потому что переваловъ, въ смысле возможности перехода черезъ нихъ, нѣтъ.

Вся эта цепь горъ покрыта однообразно-тянущейся полосой вѣчнаго снѣга; во всѣхъ ущельяхъ ледники, почти доходяще до начала подошвы горъ и оканчивающіеся обширными моренами. Отъ подошвы мы замѣчаемъ очень ровный, точно обмытый, склонъ. Склонъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ не видно ни одного большого выдающагося камня, ни крутыхъ овраговъ, и ни одного ручья. Всѣ эти ледники, которые у васъ на глазахъ достаютъ 40 ущелий, какъ будто не таютъ, не даютъ вовсе воды. Верста на 20 или 25 отъ перевала Куш-белъ на западъ протягивается эта совершенно сухая степь; лѣвая сторона ея вдоль подошвы горъ засыпана полосой—старыми моренными валунами; ниже другая полоса щебня, затѣмъ гравія, песка и въ самой срединѣ степь по-

крыта тонкимъ чрезвычайно вѣчнымъ иломъ. Пробѣавши этотъ промежутокъ до уроч. Киякъ-баши, только здѣсь впервые встрѣчаешъ воду. Эта вода является не изъ ущелья, а прямо изъ почвы бьютъ ключи. Они образуютъ въ этомъ пунктѣ непролазную топь, изъ которой выбѣгаетъ довольно порядочная рѣчка. Происходитъ это оттого, что вся вода, получающаяся изъ Кырк-ку отъ таянія льда и снѣга, уходитъ подъ почвенный слой и просачивается на глубинѣ до середины долины. Еще одинъ переходъ верста въ 25 и мы достигаемъ урочища Мужа, замѣчательнаго тѣмъ, что здѣсь, при слияніи двухъ ручьевъ, на широкой солончаковой площадкѣ, поросшей кипцомъ и рягомъ, скучиваются кашгарскіе киргизы. Здѣсь живетъ бекъ, важный по имени, но очень бѣдный въ дѣйствительности. Среди его „подданныхъ“ бѣдность царитъ еще большая. Тутъ намъ впервые пришлось познакомиться съ большими череполохомъ, который произвело наше неожиданное появленіе. За Мужа Северная Гезь продолжается еще верста на 20 въ видъ широкой долины, затѣмъ быстро стуживается, входитъ въ болѣе тѣсная горы и, пробивая въ нихъ себѣ дорогу, доходитъ до того пункта, гдѣ въ нее впадаетъ ручей изъ Булюнь-кула; здѣсь, какъ я говорилъ, встрѣчаются двѣ Гези, исчезающія въ одной тѣсинѣ, которая собственно и носитъ названіе Гезъ. Что касается до пути, по которому направился я отъ Мужа, то оны тянется очень недолго вдоль просторной долины и вскорѣ, съ поворотомъ на Ой-балгынь, начинается чисто горная мѣстность, хотя мѣстами являются маленькія расширения въ видѣ котловинъ, которыя даютъ возможность кочевать киргизамъ. Перевалъ Ой-балгынь въ 15.500 футовъ довольно легко доступенъ и съ него открывается превосходный видъ на всю Рянгульскую котловину, а также и на тройной пикъ Мустатъ-ата, видный за горами на востокѣ.

О котловинѣ Рянгъ-кули мнѣ сказать особенно нечего. Скажу только, что котловина эта богата солонцами, еще богаче пескомъ, довольно сыпучимъ, но среди тѣхъ и другихъ встрѣчаются и пространства, которыя даютъ возможность кочевать киргизамъ. Въ озера лѣтомъ не сбѣгаетъ ни одного ручья, хотя вѣроятно, что есть подпочвенные ключи, достающие озеръ. Рѣчка, которая когда-то составляла одинъ изъ самыхъ значительныхъ восточныхъ притоковъ Рянгъ-кули, теперь даже не доходитъ до его котловины и теряется въ пескахъ. Черезъ ея верховье и перевалъ Толь-терекъ (15½ тысячъ футовъ) я спустился въ долину малаго Кара-кули. Только что спустился съ перевала, пройдемъ верста съ 5 и по-

вершеш на лѣво на востокъ, какъ откроется великолѣпнѣйшій видъ на Мустагъ-ата. Этотъ дѣйствительный „Отецъ ледяныхъ горъ“ воздымается надъ площадью сосѣдней озерной долины на 12¹/₂ тысячъ футовъ и имѣетъ абсолютную высоту болѣе 25 тысячъ футовъ. Гигантъ выдвигается въ такихъ красивыхъ рамкахъ ущелья, такъ величественно облекается почти постоянно покрывающими его вершину облаками, что невольно останавливаешься на мѣстѣ и любуешься на эту грандіозную картину. То, что я сумѣлъ нанести своимъ слабымъ карандашомъ, далеко, конечно, не можетъ передать природы. Три главы Мустага образовались вслѣдствіе сползанія съ него ледниковъ. Представьте себѣ форму, близкую къ конусу, или къ куполу, который сплошь покрытъ толстымъ снѣговымъ покровомъ. Снѣгъ этотъ, превращаясь въ фирнъ, спускается въ видѣ многочисленныхъ ледниковъ во всѣ стороны съ Мустагъ-ата. Но въ трехъ или четырехъ мѣстахъ фирну удалось проторить себѣ болѣе глубокия дороги въ видѣ желобовъ съ отвѣсными стѣнками. Какія особыя условія способствовали образованию этихъ желобовъ — сказать трудно, ибо на видимыхъ обнаженіяхъ гнейсовъ, слагающихъ Мустагъ, нельзя прослѣдить нарушенія въ общей правильности ихъ залеганія.

Современные ледники не спускаются ниже 13¹/₂ — 14 тысячъ футовъ; но на гораздо большее развѣтвіе ихъ въ прежнее время указываютъ лежащія вдоль подножія Мустага мощныя пояса древнихъ моренныхъ отложений. Отъ Мустага идетъ довольно веселая долина Пиринъкъ, которая вбѣгаетъ въ Малый Кара-куль. Вся долина эта представляетъ сплошную зеленую ленту мокраго дуга, который въ то время былъ весело убранный голубыми пятнами незабудокъ.

Малый Кара-куль открывается лишь тогда, когда подѣвешь къ нему близко. За небольшимъ поворотомъ рѣчки передъ нами сразу раскидывается небольшая котловина этого озера. Теперешняя котловина была когда-то дномъ озера, въ настоящее время занимающимъ лишь ея сѣверную часть; остальное пространство представляетъ совершенно ровную площадъ съ обильнымъ подножнымъ кормомъ для рѣдкихъ кочевниковъ здѣшнихъ мѣстъ. Котловина окружена невысокими скалистыми горами. Но за этими передовыми горками на сѣверовосточной сторонѣ Малаго Кара-куля воздымается цѣлая огромная стѣна снѣжныхъ пиковъ, совершенно сходныхъ съ Мустагомъ, гигантская голова котораго видна на юго-востокъ отъ озера. Мустагъ-ата также не отдѣльная гора, а только высшая сѣверная точка цѣлой снѣжной группы, вытянутой въ видѣ ве-

длиннаго кряжа на SOS вдоль долины Тагармы; другая така-же линия горъ, нѣсколько какъ будто сдвинутая, относительно первой, вдоль рѣчки Кенгшиберъ, — носитъ названіе Швакты. Эти горы соприкасаются справа долину Южной Гези. Въ массивности и величіи онѣ не уступаютъ Мустагъ-ата и по прилизительному моему измѣренію пики ихъ въ части Швакты лишь тысячи на полторы футовъ ниже самого „Отца ледяныхъ горъ“. Здѣсь точно такъ же, какъ и въ группѣ Мустагъ-ата, мы видимъ рядъ высочайшихъ вершинъ, подлущіе по ихъ склонамъ и въ ущельяхъ глетчеры, а ниже высокую ступень подножія, также заспанную моренными отложениями.

Выходъ отъ Малаго Кара-куля на Акъ-су идетъ на переваль Улугъ-рабатъ (13.600), ведущій сперва въ бассейнъ Тагармы, а затѣмъ уже черезъ другой переваль Гульма въ 14.300 футовъ спускается въ Акъ-су по долинѣ Кошъ-агылу. Послѣдній переваль замѣчательнѣе тѣмъ, что представляетъ изъ себя небольшую площадку, на которую забираются киргизы для лѣтнаго кочевья. На Кошъ-агылѣ только въ самыхъ верховьяхъ мы видимъ пыточные ключики, около которыхъ кочуютъ три четыре кибитки киргизовъ, — ключики, которые какъ неожиданно выбѣгаютъ изъ-подъ камней, такъ же неожиданно и скрываются; вся же нижняя часть широкой долины Кошъ-агыла совершенно суха, покрыта пескомъ и подходитъ къ рѣкѣ Акъ-су нѣсколькими мелкими галечными террасами. Сама долина Акъ-су тоже ограничена песчано-галечными рѣчными террасами, придающими ей весьма пустынный характеръ; лишь около самой воды встрѣчаются небольшія площадки, заросшія зеленью.

Пространство отъ устья Акбайтала до Истыка оказалось точно также принадлежащимъ къ сухой, безводной части Памира. Здѣсь, широкія отъ 3 до 7 верстъ долины, преимущественно NW-го направленія, тянутся между невысокими градами горъ, мѣстами переходящими въ холмы и гривы. Вся почва усмана пескомъ и галькой, нѣтъ ни воды, ни растительности. Это безводіе заставило насъ сдѣлать кружищій обходъ, чтобы почевать близъ маленькихъ ключей. Двигаясь прямо, намъ довелось бы все время идти по желобу между горами одного направленія, пересѣвая небольшія поперечныя перемычки, служащія водораздѣлами дождевыхъ потоковъ, быстро всасывающихся въ сухую почву долины. По юго-восточную сторону водораздѣла уже въ бассейнѣ лѣвыхъ притоковъ Истыка, лежитъ такая же сухая мѣстность, раз-

битая на долины, лога, котловины, и лишь близ самага Истыка появляются изъ подъ почвы небольшіе ключи. Это общее свойство здѣшнихъ сухихъ долинъ. Въ началѣ нашего пути на Истыкъ отъ устья Акбайтала часть дороги лежала по ручью Кара-су, а въ верхней долинѣ его, называющейся Караулдышъ, царствовало полное безводіе; чтобы избѣжать его мы и должны были, вмѣсто одного съ четвертью перехода по прямому направленію, сдѣлать полныхъ два съ однимъ лишнимъ переваломъ. Совершенно другое мы наблюдаемъ по ту сторону Истыка; здѣсь мѣстность сильно орошена многочисленными вѣтвистыми притоками, выбгающими изъ сѣверныхъ склоновъ Ваханской горной цѣпи, достигающей высоты 18.000 ф.

Долина Истыка отъ того пункта, къ которому мы на нее вышли, т. е. примѣрно отъ устья Игри-Міювъ, дѣлится на двѣ части, непохожія другъ на друга: тогда какъ все верховье ея представляетъ широкую долину, незамѣтно сливающуюся съ цѣлою сѣтью такихъ же долинъ, по которымъ бѣгутъ ея правые притоки, внизъ отъ Игри-міюза мы вступаемъ въ тѣсное поперечное ущелье съ трудной дорогой, съ обрывистыми берегами, которые только уже въ самомъ низовѣ Истыка раздвигаются снова и образуютъ просторную долину.

Переходъ отъ Истыка до перевала Уртабелъ характеризуется крайне медленнымъ подъемомъ, такъ что самый перевалъ съ сѣверной стороны является совершенно незамѣтнымъ. Путь если и былъ довольно тяжелъ, то потому только, что доводилось часто ѣхать безъ дороги по значительнымъ мореннымъ отложениямъ то совершенно оголеннымъ, то напротивъ закрытымъ тонкимъ коряникомъ.

Верховья Акъ-су я не стану описывать. Это силосная цѣпь озеръ вдоль зеленѣющей долины, необыкновенно красиво рисующейся сверху, съ перевала Уртабелъ, спускающегося къ Акъ-су крутой ступенью. Водораздѣлъ Акъ-су и Ваханъ-даръ интересенъ тѣмъ, что лежитъ на такой ровной и обширной площади, на которой нельзя сразу даже разобрать, куда направляются воды горныхъ ручьевъ. Только послѣ тщательнаго изслѣдованія оказалось, что воды Кулъ-айрыка, выбывая изъ Ваханскихъ горъ, быстро развертываются на водораздѣлѣ въ видѣ вѣера и затѣмъ уже незамѣтно раздѣляются: одинъ рукавъ направляется на W къ Ваханъ-дарѣ, а нѣсколько лѣвыхъ заворачиваютъ къ O и впадаютъ въ до-

вольно значительное озеро Чагмактынъ-кулъ, которое и слѣдуетъ считать головой Акъ-су.

Еще въ письмѣ съ Алая я указывалъ на то, что за начало Ваханской рѣки надо считать рѣку Альмалянъ, ущелье которой глупо вѣривается въ сѣверные склоны Гиндукуша. Мой побѣдка по Альману сложилась довольно неудачно; во первыхъ, проводникъ мой не зналъ туда дороги, во вторыхъ, его нельзя было взять съ собой хотя бы въ качествѣ просто человека, привычнаго къ путешествію, ибо его довелось послать на рекогноспировку Ваханскаго хребта для поисковъ перевала Варрамъ-куталъ въ сторону Вольшого озера. Поэтому я долженъ былъ похалъ съ самымъ немудрымъ изъ нашихъ джигитовъ, и вся работа по разысканію дороги упала на меня. Это затруднилось еще болѣе утреннимъ туманомъ, который скрывалъ все ущелье. У единственнаго моста, соединившаго оба берега Альмайна еще въ его нижнемъ течении, пришлось рѣшать свою судьбу и по общему характеру мѣстности опредѣлить, гдѣ должна идти дорога въ верховья Альмайна. Опредѣленіе удалось сдѣлать довольно вѣрно; горная дорожка дѣйствительно оказалась идущей по избранной правой сторонѣ рѣки, не допускающей переправы черезъ нее по многоводію и быстринѣ.

Долина Альмайна скорѣе можетъ быть названа тѣснойю по той крутизнѣ горныхъ склоновъ, которыми она обставлена. Это самый каменистый, самый глухой уголокъ южной окраины Памира. Съ лѣвой стороны Альмайна вздымаются эффектишіе гранитные пики Гиндукуша, кажуціеся уходящими въ самое небо; тамъ, среди этихъ сотенъ остряхъ совершенно бѣлыхъ ликовъ, гнѣздится цѣлое царство ледниковъ самыхъ причудливыхъ формъ и сочетаній; они ползутъ по склонамъ и ущельямъ, къ Альману, хотя ни одинъ изъ нихъ не выходитъ въ самую долину послѣднего, останавливаясь на довольно опредѣленной линіи около 14.000 ф. Самая долина Альмайна очень характерна не однимъ своимъ чисто альпійскимъ скалистымъ типомъ; на ней прекрасно выражены слѣды работы древняго ледника, когда-то заполнявшаго всю долину и принимавшаго въ себя многочисленныя ледяные потоки со стороны Гиндукуша.

Пройдя верстъ 35—40, я долженъ былъ вернуться назадъ, такъ какъ дальнѣйшее движеніе вверхъ по Альману заставило бы меня почевать здѣсь и вызвало бы беспокойство въ отрядѣ, ждавшемъ меня въ ночи. Приѣхавъ къ стоянкѣ уже ночью и узнавъ, что рекогноспировки въ Ваханскія горы дали отрицательный отвѣтъ о возможности перевалить на ихъ сѣверную сторону, я принужденъ

былъ отказаться отъ дальнѣйшаго изслѣдованія Алымаяна, ибо потерявъ на это нѣсколько дней, я не могъ бы уже прийти на Аличуръ къ условленному съ Пугатой времени.

Что касается долины собственно р. Памира, я позволю себѣ пропустить теперь рассказъ о ней, такъ какъ описаніе, хотя и не особенно полное — существуетъ въ трудахъ англійскихъ экспедицій. Добавлю къ ихъ свѣдѣніямъ, что на водораздѣлѣ между р. Истыкомъ и р. Памиромъ мы встрѣтили два озера: одно совершенно изолированное, не имѣющее ни притока, ни истока и называющееся — Курукъ-Кунтей, т. е. „суходольное“ озеро; слѣдующее къ западу озеро даетъ начало рѣкѣ, которая впадаетъ въ Большое озеро (Зорь-куль) и по выходѣ изъ него называется *Памиръ*. Кромѣ того оказалось, что истоки какъ этой рѣчки, такъ и Большого озера находятся не въ сѣверныхъ горахъ, какъ утверждали англичане, а въ южныхъ (т. е. не въ Памирской, а въ Ваханской горной цѣпи), что и является весьма понятнымъ и естественнымъ послѣ изученія общаго характера склоновъ этихъ горъ: такъ, сѣверная сторона Ваханской цѣпи обладаетъ длинными и глубокими ущельями, заполненными ледниками и снѣгомъ, а противоположная сторона Памирской цѣпи напротивъ имѣетъ очень короткія ущелья безъ всякихъ запасовъ снѣга и снабжаетъ Зорь-куль крайне юбогими и рѣдкими ручейками.

Чтобы познакомиться съ Памирской горной цѣпью мы сдѣлали ихъ пересѣченіе нѣсколько западнѣ Большого озера, двинувшись на перевалъ Башъ-гумбездъ, лежащій въ самой скалистой части горъ. По высотѣ онъ оказался самымъ большимъ изъ всѣхъ посѣщенныхъ нами на Памирѣ переваловъ. Большинство пройденныхъ мною равнинъ было 14¹/₂—15¹/₂ т. ф., и лишь одинъ—Караартекій превышалъ 16000'. Башъ-гумбездъ достигаетъ 17000'.

Хотя этотъ перевалъ, по увѣренію нашего проводника, и очень часто практикуется киргизскими караванами, но врядъ ли показанію этому можно довѣрять, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ оказался весьма тяжелымъ. Трудность подъема зависитъ отъ того, что весьма значительное пространство верхней части подъема завалено огромными остроребрными моренными валунами, до которыхъ не вездѣ было можно ѣхать и на верховой лошади. Съ приближеніемъ къ перевалу увеличивается и крутизна подъема. Дорожка совершенно теряется и проводить лошадей здѣсь среди множества дмръ между камнями очень рискованно, не говоря уже о страшной работѣ для нихъ при подъемѣ по беспорядочнымъ глыбамъ на

такой значительной высотѣ. Самый гребень на перевалѣ и остръ какъ ножъ, и весьма узокъ. Спускъ на ту, Аличурскую сторону оказался еще труднѣе и въ одномъ мѣстѣ даже довольно опаснымъ. За второй ступенью предстояло пройти крайне крутой спускъ среди огромныхъ валуновъ и скалъ. Наконецъ путь пересѣкался совершенно отвѣсной каменной стѣной сажени въ 1¹/₂ вышиною. Подниматься отсюда назадъ было немислимо. Развѣзвучили лошадей, спустили вещи на рукахъ, а конямъ предоставили самимъ выбрать наилучшій пріемъ, какъ соскочить со ступени. Вольшинство впрочемъ отдѣлялось незначительными ушибами.

Остатываюсь на этихъ подробностяхъ, чтобы нагляднѣе обрисовать характеръ перевала черезъ скалистый гребень Памирскихъ горъ.

Но спустившись изъ чисто скалистой верхней части ущелья, мы попадаемъ сразу въ лучшія условія: здѣсь уже есть и горы, и кустарныя дрова, и сносная дорожка, которая вскорѣ выводитъ къ широкой долинѣ Аличур, чисто-памирскаго типа. Мнѣ собственно описывать эту долину не слѣдовало бы, такъ какъ она была подробно изслѣдована раньше насъ Н. А. Свердловымъ; скажу въ двухъ словахъ, что выгоды ея заключаются главнымъ образомъ въ ея большомъ орошеніи, а слѣдовательно и въ богатомъ подножномъ кормѣ.

Начинается рѣка Аличуръ цѣлымъ рядомъ ручьевъ вытекающихъ изъ тѣхъ же снѣговыхъ Памирскихъ горъ, съ такими же высочини и каменными ущельями какъ и только что описанный Башъ-гумбездъ. Собранный въ одно русло, ручей эти (главный изъ нихъ называется Учколъ) выходятъ уже въ долину, которая собственно и носитъ названіе Аличур. Аличуръ замѣчательнѣе тѣмъ, что только въ сильную воду ручьи Учкола достигаютъ до самой Аличурской долины у Чатыръ-таша; въ осеннее же и зимнее время эти ручьи иссякаютъ въ низовья и рѣка Аличуръ возникаетъ въ своей широкой долинѣ ниже уже Чатыръ-таша изъ цѣлага ряда ключей, или озеръ, изъ которыхъ сразу выбѣгаетъ въ видѣ довольно большой рѣчки. Здѣсь на протяженіи нѣсколькихъ верстъ Аличуръ какъ правильная рѣчка совершенно не существуетъ и представляется вязкую непроходимую трясиину. Вдоль всей широкой долины Аличурѣ тянется луговая растительность, а у впаденія рѣки въ Яшиль-куль мы видимъ первыя проявленія древесной растительности — кусты лозняка.

Озеро, окруженное горами съ крутыми склонами и имѣющее огромныя

вѣйшую глубину. Въ нѣкоторых мѣстах (какъ напр. на южной сторонѣ) высокой и отвѣсной берегъ едва доступенъ, даже для привычнаго пѣшехода.

Къ западному концу Яшилъ-куль все сдвигается, вытянувшись въ длину болѣе чѣмъ 20 верстъ; наконецъ небольшой боковой отрогъ Бураманъ-бель со стороны Аличурской цѣпи какъ будто запираетъ это озеро. Мой проводникъ вначалѣ даже смутилъ было меня, сказавъ, что истока Яшилъ-куля нѣтъ, а что рѣка Гунта начинается по ту сторону перевала Бураманъ-бель. При непосредственномъ осмотрѣ оказалось однако, что этотъ отрогъ провалился, но сливается такъ сказать съ значительнымъ каменнымъ заваломъ, тянущимся отъ южныхъ горъ. Заваль этотъ загромоздилъ весь конецъ озера, вода котораго пробирается уже подъ камнями. Черезъ этотъ заваль перебирается дорога съ южной стороны озера къ Бураманъ-бели. Дорога какъ среди завала, такъ и до перевала Бураманъ крайне утомительна. Но зато, вступивъ въ долину Гунта, путешественникъ по Памирскимъ степнымъ пространствамъ невольно поддается радостному чувству, подъ вліяніемъ расклинувшагося веселаго пейзажа, такъ давно уже невидѣннаго памирцемъ. Вся долина убрана густой древесной растительностью, съ приятнымъ разнообразіемъ горной грушировки, съ множествомъ милыхъ уютныхъ тѣсныхъ уголковъ по берегамъ красивой рѣчки.

Вдоль по такой долинѣ, представляющей сплошную лѣсъ, я добрался до с. Сардыма.

Что касается до долины Тогузъ-булака, то она интересна только въ томъ отношеніи, что представляетъ чрезвычайно рѣзкіе слѣды бывшихъ тамъ поселеній, указывающіе на то, что еще очень недавно поля шуганскихъ поселеній по Тогузъ-булаку доходили до высоты болѣе чѣмъ 11000'.

Мнѣ осталось еще сказать о переходѣ черезъ Харгошъ. Къ югу отъ Яшилъ-куля встрѣчается масса озеръ образованныхъ когда-то вмѣстѣ съ Яшилъ-кулемъ широкою озерною областью Аличура. Но какъ только двинешься съ этой широкой площади къ Харгошскому перевалу, сейчасъ же попадаешь въ тѣсное каменное ущелье, характерное для Памирской цѣпи, хотя здѣсь уже не встрѣчаешь особенныхъ затрудненій; переваль этотъ считается однимъ изъ наилучше практикуемыхъ проѣзжающими съ Аличура на Памиръ. Южный спускъ начинается тоже двумя или тремя озерами, изъ которыхъ ручеекъ испускаетъ веселымъ каскадомъ по зеленымъ ступенямъ.

Долина Памира, начиная съ Большаго озера, такъ завалена отъ самой подошвы Ваханскихъ горъ моренными образованиями, что теряетъ совершенно свой прежній плоскій и широкій характеръ. Рѣка Памиръ, съ самаго того момента какъ она вышла изъ Зоръ-куля, бѣжитъ въ крайне тѣсныхъ берегахъ. Справа тянется гранитная стѣна, круто обрывающаяся къ рѣбѣ и остающаяся узкою въ 2—3 аршина ширины полоску вдоль самой воды, гдѣ и пробирается тропинка. Ниже, близъ Юль-мазара, хотя долина нѣсколько расширяется, вдоль рѣки тянутся узкія ленты луга, — по уже характеръ чисто памирскихъ широкихъ долинъ здѣсь не повторяется. Къ травянистой растительности примѣшиваются мало помалу кусты и деревья, и по мѣрѣ движенія съ СВ. къ ЮЗ. долина все болѣе и болѣе врывается въ горы, дорога уже глѣбится среди камней и очень опасныхъ утесовъ, между которыми у Маса рѣка бѣжитъ наконецъ каскадомъ не болѣе 4-хъ саженъ шириною. Движеніе по р. Масу на р. Шахдару не представляетъ особенныхъ затрудненій, за исключеніемъ начала дороги отъ Памира, гдѣ нужно одолѣть крутой подъемъ (до 35°) чтобы обойти каменную щель при устьи Маса; дорожка идетъ высоко надъ этой щелью, кажущейся при взглядѣ внизъ пропастью. Я, человекъ не отличающійся слабыми нервами и давно уже привыкшій къ горнымъ тропинкамъ, карнизамъ и балконамъ, ѣдучи по этой дорожкѣ, старался не смотрѣть на право, гдѣ за весьма крутымъ склономъ, по которому шла тропинка, сразу обрывалась отвѣсомъ стѣна глубокой щели Маса, производя дѣйствительное впечатлѣніе бездонной пропасти (отвѣсная глубина ея съ полверсты).

Прямая дорога отъ укрѣпленія Кала-и-Панжа черезъ Масъ гораздо удобнѣе, ибо на ней нѣтъ описаннаго тяжелаго подъема, такъ какъ она идетъ все время вдоль высокой рѣчной террасы праваго берега Памира, выходя почти прямо къ вершинѣ упомянутаго обходнаго перевала. Спустившись затѣмъ въ долину Маса, движеніе идетъ обыкновеннымъ порядкомъ до самаго очень пологого подъема на переваль къ Шахдарѣ. Но на ту сторону идетъ довольно крутой спускъ нѣсколькими ступенями, такъ что очень быстро уже входимъ въ ровную, просторную, спокойнаго типа долину. Верстахъ въ 12—16 отъ этого пункта уже начинаются по Шахдарѣ старыя, брошенные теперь поселки; современная же осѣдность отодвинулась внизъ по рѣбѣ болѣе чѣмъ на день ходу (первое селеніе Сеизъ).

Въ началѣ же спокойной долины Шахдары находится и поворотъ дороги на Аличуръ, вдоль небольшого и ничѣмъ не интерес-

наго ущелья Кокь-бай, которым выходят на широкое плато, протягивающееся мимо вершины Тогуз-булака до самого Аличура. В центре этого плато, несколько западнее моей дороги, находится большое озеро Тургутай, которое мне виднеть не удалось. Замечательно оно тем, что летъ 25 тому назад окрестности его были полны киргизскими кочевниками.

Мне осталось рассказать еще о дорогѣ на Серезъ. Начинается она вдоль ущелья Пшарта, любимых лѣтровок памирских киргизъ. Переваль Пшартъ незамѣтенъ, но какъ только перейдешь на ту сторону, дорога мѣняется, входи въ узкую тѣснину ручья съ цѣлымъ десяткомъ мѣняющихся названий. Вдоль этого ручья выходишь дни черезъ два въ долину большой рѣки Мургаба, по которой дорога и пугается до Сереза.

О первой половинѣ дороги скажу, что ея въ большей части случаетъ совершенно не имѣется, хотя особенныхъ трудностей нѣтъ. Выходъ на Мургабъ у Чатъ-токая затрудняется темъ, что бывшая здѣсь раньше дорога надъ лѣвымъ берегомъ озера Сассыкь-кула теперь размыта и нужно одолѣть очень крутой подъемъ и спускъ по старой гигантской моренѣ, ниспадающей въ самое озеро.

Вторая половина пути вдоль самаго Мургаба есть наиболѣе мучительная. Полмѣсяца ранѣе здѣсь еще не было дороги, ибо характеръ Мургабской тѣсины позволяетъ ѣхать лишь при условіи очень частыхъ переправъ съ одного берега на другой: дорога то и дѣло упирается въ нависшія надъ самой рѣкой скалы, обойти которыя можно лишь по другому берегу, а эти переправы возможны только въ низкую воду. Даже во время моего движенія (конецъ августа) переправы далеко не вездѣ были возможны и представляли множество затрудненій.

Для того, чтобы характеризовать этотъ путь, укажу на два примѣра. Въ одномъ мѣстѣ въ теченіи цѣлаго дня, измучивши весь свой отрядъ, я могъ пройти только 10 верстъ. Дѣло было такъ. Дошли до скалы, упершейся въ рѣку. Чтобы одолѣть ее нужно было исправить въ ней дорожку, перенести весь багажъ на рукахъ и даже ненавѣрченыхъ лошадей провести съ большимъ рискомъ. Обошли. Но вскорѣ дорожку загородилъ другой такой же „камень“, черезъ который уже нельзя было перебраться. Пробовали рѣку—брода не оказалось. Предстояло вернуться, но выручила пара глухихъ лошадей. Во время расчистки дороги, когда весь отрядъ былъ остановленъ вдоль берега въ водѣ, паръ верховыхъ лошадей скучно стало стоять въ водѣ и она стала бродить, вскорѣ сорвалась въ глубь и вилавъ выбралась на про-

тивуположный берегъ. Когда казакъ поѣхалъ за ними черезъ рѣку, то совершенно случайно попалъ на глубокий бродъ. Это дало мысль перевязать изъ большихъ вьюковъ малые и въ нѣсколько разъ перевезти ихъ на надежныхъ лошадяхъ. Возня съ этой переправой черезъ бурную рѣку, доходившую до сѣдла, заняла много времени и когда всѣ перебрались на другую сторону, было уже темно, всѣ измучены, нужно было почевать. Пунать ночлега отъ перваго камня равнялся 1 1/2 верстамъ, на которыя потребовалось болѣе 5 часовъ времени.

Въ другомъ мѣстѣ, на половинѣ хорошаго перехода до Сереза, чтобы обойти одну изъ такихъ скалъ, нужно было рискнуть на очень опасный переваль черезъ нее. Дорожка, доходившая по крутизнѣ до 38° и даже 40°, выводила на гребень скалы, и затѣмъ шла причудливымъ карнизомъ надъ самымъ обрывомъ. Здѣсь она становилась настолько узка, что даже съ верховыхъ лошадей нужно было отвязать шинели изъ тороковъ; лошадь должна была тереться бокомъ о стѣну и, пройдя это мѣсто, сдѣлать довольно опасный прыжокъ черезъ промону, обрывающуюся внизъ.

Такой-то „дорогой“ я добрался наконецъ до живописнаго Сереза съ миниатюрной крѣпостцей.

Я шелъ туда за хлѣбомъ, какъ для себя, такъ и для чатрарскаго отдѣла Пугаты. Жители Сереза встрѣтили меня какъ побѣдителя, и мне стоило большихъ дипломатическихъ усилій, чтобы отклонить отъ себя эту почетную роль. Купивъ муки и набравъ теленка, я торопливо двинулся назадъ, чтобы переваломъ Карабулакъ выйти на рѣку Кокуй-белъ на встрѣчу отряда Пугаты. Карабулакскій переваль хотя и не особенно высокъ (15 1/2 т. ф.), но самый тяжелый при подъемѣ на него отъ Мургаба. Съ неимоверными усиліями мы втащили вьюки по крутой (до 33°) неустойчивой осыпи изъ камня, часто съѣзжавшей внизъ вмѣстѣ съ лошадьми.

Но какъ только подойдешь къ перевалу, такъ мѣстность сразу измѣняется. Начинаются снова памирскія степныя выси, съ ковылемъ, партіями архаровъ, озерками съ гусиными и утинными стадами и луговыми пастбищами. Отсюда мы вступили въ сѣверо-западную часть луговаго Памира. Она выражена широкой топкой долиной р. Кокуй-белъ, сливающейся незамѣтно съ южной плоскостью Каракульскаго бассейна на сѣверѣ и съ долиной Восточной Шураны на западѣ, вдоль по которой я и дошелъ до ур.-Кокджаръ, гдѣ встрѣтилъ другой отдѣлъ экспедиціи.

Скажу вамъ еще одно слово о перевалѣ отсюда на р. Белепкинскъ, который давно былъ извѣстенъ по разсказамъ подъ именемъ Тахта-Горума, и извѣстенъ какъ весьма важный и горный путь, соединяющій Памиръ съ западнымъ Алаемъ. Тахта-Горумъ раздѣляетъ два не особенно широкихъ, но спокойно поднимающихся короткихъ ущелья того же имени. Двигаясь съ юга, вы подходите къ большой ступени отвѣсной скалы, какъ бы разгораживающей эти два ущелья. Довольно удобными зигзагами поднимаетесь на верхъ этой скалы и двигаетесь по южному Тахта-Горуму, который и далъ названіе этому перевалу: „Досчатая Осмы“. Дѣйствительно, весь свѣрхний спускъ Тахта-Горума устланъ широкими каменными пластинами слюдястаго сланца и песчаника, напоминающими доски. Движеніе по такой осмы совсѣмъ безъ видимой дороги довольно удобно. За то дальнѣйшій переходъ черезъ слѣдующій перевалъ Каинды чрезвычайно затруднителенъ. Приходится проводить лошадей по голому льду Каиндинскаго ледника, что и хлопотливо, и опасно, и весьма тяжело.

II.

(Читано въ общемъ собраніи И. Р. Г. О. 2 мая 1884 г.).

Господа!

Теперь, когда вы уже ознакомились съ характерными особенностями Памирскаго рельефа, намъ осталось бросить общій взглядъ на органическую природу этой страны, чтобы затѣмъ перейти къ рассмотрѣнію тѣхъ условий, въ которыхъ приходится жить населенію какъ на самомъ Памирѣ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ.

Если изъ Ферганской котловины (средняя высота которой вдоль Сыръ-Дарьи равна полутора тысячамъ футъ), котловины съ густымъ осѣдлымъ населеніемъ, съ жаркимъ климатомъ, позволяющимъ воздѣлывать хлопокъ, рисъ, виноградъ и т. п., съ крайней тѣсотой полеваго хозяйства, занимашаго все орошенные клочки земли,—если изъ этого типичнаго уголка мусульманскаго Туркестана мы двинемся на югъ, или вѣрнѣе на юго-востокъ, то перейдя пограничную Ферганскую цѣпь горъ, которая называется Алайскою, мы попадаемъ совершенно въ другую страну, съ другимъ климатомъ, съ другимъ воздухомъ, съ другой высотой, вступаемъ въ широкую

долину Алая отъ 9—10 тысячъ футъ абсолютной высоты, и шириною мѣстами доходящую до 40 верстъ. Ограниченная на югѣ высочайшей свѣговой цѣвью Заалайскихъ горъ, Алайская долина тянется отъ О на W правильной ровной степью, почти сплошь открытой луговой растительностью.

Вступивъ въ долину верхняго Алая, мы уже вступаемъ въ природу, во многомъ сходную съ природой Памира; Алай ни больше ни меньше какъ преддверіе памирскаго выся, и многіе совершенно вѣрно относятъ Верхній Алай къ памирскому плоскогорью. На Алаѣ лѣтомъ кочуетъ множество ферганскихъ киргизъ, просторно раскидывая вдоль него свои аулы; но изъ Верхняго Алая они уходятъ назадъ черезъ 60 дней и только въ Среднемъ и Нижнемъ Алаѣ они остаются дольше, а многіе изъ нихъ тамъ имѣютъ и зимовки.

Въ долинѣ Алая вы встрѣчаете среди луговъ ковыль, кипецъ, оржанницу и другіе злаки, образующіе богатія пастбища луговинамъ. Ближе къ водѣ тянется мелкая осока, по мѣстному называемая „рангъ“ (*Carex physodes*). Среди тѣхъ и другихъ луговъ намъ встрѣчаются многіе наши знакомцы: незабудки, куриная слѣпота, ромашка, одуванчикъ, богородицина трава и т. п., многочисленные представители изъ семейства мотыльковыхъ, горошки, клеверъ, и др.

Въ началѣ юня, т. е. во время Алайской весны, когда цвѣтеніе въ полномъ разгарѣ, веселіе, роскошнѣ картины чисто степнаго характера, которую представляетъ Алай, трудно найти.

Я намѣренно съ нѣкоторой подробностью останавливаюсь на описаніи алайскихъ луговъ потому, что двигаюсь съ Алая прямо на Памиръ, и переходя все болѣе и болѣе въ южную его часть, мы вмѣстѣ съ тѣмъ подвигались, такъ сказать, и во времени и постепенно поднимались все на большую и большую высоту. Вотъ эта-то постепенность движенія на югъ и на большую высоту и дала намъ возможность идти все время, до самой южной части Памира, по той же самой весенней природѣ, которую мы видѣли на Алаѣ: передъ нами продолжалось цвѣтеніе все тѣхъ же самыхъ цвѣтотвъ, передъ нами развертывались тѣ же самые дуга, которые мы видѣли на Алаѣ, и съ которыми мы тамъ познакомились. На Памирѣ, если что и особенно поучительно въ смыслѣ его флоры, то это только то, что тамъ она не такъ разнообразно смѣшанна и характеръ ея гораздо удобнѣе наблюдать по небольшимъ участкамъ, которые она занимаетъ, такъ какъ на Памирѣ нѣтъ такихъ огромныхъ широкихъ луговъ, каковы на Алаѣ. Такъ, на памирскихъ долинахъ, какъ

рѣчныхъ такъ и озерныхъ, на слащеющей почвѣ произрастаетъ клеверъ; тамъ, гдѣ къ ней прибавляется песокъ, являются мотыльковыя растенія: горошекъ, клеверъ и проч.; становится мѣстность болѣе сухой, прибавляется къ ней камешъ, является мелкій полутравянистый кустарникъ, котораго латинскаго названія я не знаю, но мѣстному же его зовутъ „терскень“, а Гордонъ опредѣляетъ его принадлежащимъ къ семейству Лавендовыхъ. Какъ только начинаются мокрые дуга, мы сейчасъ же встрѣчаемъ ту же самую осоку, которая создала такъ много собственныхъ именъ на Памирѣ, какъковы Рангъ-кулъ, рѣка Рангъ, урочище Рангъ и т. п.; всходимъ на болѣе сухіе склоны предгорья и тамъ на глинистой и дерновой почвѣ раскинулись серебристыя ковильныя пространства; начинается кочкарное болото и мы встрѣчаемъ мохъ, который мѣстами образуетъ даже торфъ. Въ ущельяхъ на большихъ высотахъ огромныя пространства заняты дикимъ лукомъ; изъ всѣхъ цвѣтковыхъ растеній выше другихъ (на 17000') достигаютъ мелкіе красодѣйные.

Такимъ образомъ, вы видите, что луговая флора Памира, — какъ было уже ранѣе опредѣлено и надболѣе подробно указано по отношенію къ Памиру Н. А. Сѣверцовымъ, — представляетъ смѣсь формъ холодной полосы съ формами степными и горными.

Какъ скоро мы движемся отъ востока къ западу по Памиру и мѣстность начнетъ понижаться, то съ высоты, примѣрно, 9000 футовъ на сѣверѣ и 12000 на югѣ мы уже входимъ въ предѣлы древесной растительности, начинаая съ лозняка. Рядомъ съ нимъ мы встрѣчаемъ камышъ, чій (*Lasiagrostis splendens*), немного ниже — розанъ, иву, березу, горный тополь, облепиху, являющуюся здѣсь значительнымъ деревомъ, непременно украшеннымъ красиво охватывающимъ его *Clematis*, солодку, жимолость, волчьи ягоды, черную смородину, наконецъ древоидный можжевельникъ (*Juniperus Pseudosabina*) и др., — и рядомъ съ этой древесной растительностью является хлѣбная культура, начинаясь съ ячменя, затѣмъ пшеницы...

Въ силу того, что на восточномъ Памирѣ, среди его широкихъ долинъ, развита флора исключительно луговая, я и называю эту часть луговымъ или степнымъ Памиромъ.

Если всѣ отдѣльныя площади широкихъ рѣчныхъ долинъ и озеръ мы соединимъ въ одно цѣлое, то получимъ форму этого лугового Памира, весьма близко подходящую къ подковѣ. Чтобы очертить ее, нужно отъ верховья Аль-су провести линію на Яшля-куль Аличюра, затѣмъ обогнуть Аличуро-Мургабекіи горы у устья Аль-

байтала и, захвативши бассейны рѣки Кокуй-бели и озеро Каракуль, перейти въ Капгарскій Памиръ.

Въ зависимости отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя создали смѣшанную флору, мы встрѣчаемъ на Памирскомъ нагорьи и смѣшанную фауну. Здѣсь тоже являются виды холоднаго пояса, степные и горные. Домашній якъ (кутасъ) живетъ на той же высотѣ, на которой живутъ и тысячныя стада архара.

Н. А. Сѣверцовъ весьма справедливо послѣ своего путешествія на Памиръ заявилъ, что г. Костеню напрасно беспокоился о томъ, будто всѣ архары вымерли и къ нашему времени отъ нихъ остались одни рога. Миѣ удалось близъ истоковъ Большаго озера встрѣтить настолько значительныя стада архаровъ, что ихъ безъ всякаго преувеличенія можно назвать тысячными. Отдѣльныя группы въ 100—150 головъ были легко мною сосчитаны въ бинокль и затѣмъ уже съ этой единицей я могъ сравнить болшія горныя площади, покрытыя стадами этихъ красивыхъ и крупныхъ животныхъ. Главнымъ притономъ архаровъ въ началѣ августа служитъ плоскій луговой водораздѣлъ Истыга съ рѣкою Памиромъ. Но они раскиданы, впрочемъ въ небольшихъ уже группахъ, отдѣльными стадами, иногда просто кучками, по всему луговому Памиру; такъ напр. я встрѣчалъ этихъ архаровъ не только по сосѣдству — въ верховьяхъ Аль-су, но и на Кой-теземѣ (аличурскомъ), и на Карабулакѣ, и на Аль-байталѣ близъ Рангъ-куля, и даже небольшую партію въ верховья Белевъ-кика.

Въ скалистыхъ горахъ водятся гигантскіе козлы (*Capra sp. —* вѣроятно *sibirica*), по мѣстному называемые „киками“, представляющіе особенный задоръ для мѣстныхъ охотниковъ. Этотъ кикъ не настолько доврчивъ и простъ, какъ архары. За архаромъ охота довольно проста, вслѣдствіе того, что онъ не особенно остороженъ и не быстро сообразивается. Если неожиданно видти изъ канавы или изъ-за камней передъ кучкой архаровъ, то они прежде всего удивятся и стоятъ на мѣстѣ, какъ будто ожидая, что будетъ дѣлать человекъ, выскочившій передъ ними такъ внезапно. Часто даже послѣ выстрѣла они только парашнутъ и снова замрутъ. Не таковъ кикъ. Карабаясь по верхушкамъ недоступныхъ скалъ, онъ зорко вглядывается во все окружающее и лишь только увидитъ человѣка, старается уйти отъ него подальше. Поэтому туземные киргизы, охотясь на кика, прибѣгаютъ къ хитрости: водить съ собою яка, постепенно приближаясь къ кикю, который доврѣя этому животному, подпускаетъ къ себѣ охотника довольно близко.

Среди памирских лугов встречается довольно много бурых медведей; ростом они меньше наших. Моему небольшому отряду удалось убить четырех. В одну охоту вытермом мы заскакали верхом трех медведей часа в два.

Там же встречается большой сибирь волк, такой же величины как и степной. Памирский волк непремьный спутник архара; эти два вида животных страстивают чуть не вместе, до такой простоты доведены их взаимные отношения: на одной и той же площадке, совсем на виду друг у друга, ходят архары и волки. Эта архарья простота ежегодно дает огромный процент зарьанных экземпляров волками. Есть мьстности среди Памира, замьчательныя по множеству и скучности на небольшом прострастьи головь и скелетов архаров, понавших на волчьи зубы.

За сямь сльдуеть указать на Памирь, какь на главный притонь желтыхь сурьовь (не альпийскихь, а *A. caudatus*) и мелкыхь зайцевь, принадлежащихь, какьета, къ тому же самому виду, который встрьчается у нась на Иссык-Куль. Этотъ рьзвий звьрьвь встрьчается въ огромнонь числь и на луговыхь долинахь, и на прилежащихь къ нимь горахь.

Изъ птицъ я укажу на индьскаго гуся, атайку, гагару, кулика, черныша, водопяну курочку, альпийскую ворону, *Syrhaptes* или ту куропатку, которая должна считаться принадлежащей высокой степи, потому что она водится не ниже 12.000 футъ и затьмь я встрьчалъ ее выше 15 т. футъ. Затьмь, въ недоступныхь каменистыхь горахь, водится уларь (*Megalopedrix tibetanus*); крожь того, на Альмалянъ я встрьтилъ *Pedrix Chukar*, единственный на всемь Памирь выводокъ и то въ очень глухой мьстности, на высоть 14.000'.

Около озеръ и въ рькахь, чрезвычайно богатыхь османами, усами и другими рыбами, встрьчаются мелкье рыболовь (князьки) и большье (орланы).

Прибавивь сюда многочисленныхь представителей изъ семейства *Apidae* (ось, шмелей, пчелъ), множество сльпней и комаровь и миллиарды мелкыхь мошекь, которая особенно злобствуютъ вдоль Большаго озера, я позволю себь этимь и закончить рьчь о фаунь Памира.

Если мы двинемся на западъ и вступимъ изъ Лугового Памира въ Горный Памирь, то съ измьненьемъ положенья мьстности мы замьтимъ и измьненье животныхь видовь, постепенно подойдя, наконець, къ типичному Туркестану. Здьсь уже вскорь мы встрь-

чаемся съ началомъ хльбныхь посьвовь, сперва ячменя, потомъ пшеницы и наконець въ Кала-и-хумъ хлопца.

Что касается до климата Памира, то ни особенно точныхь, ни особенно обширныхь данныхь по этой части я не имью. Какь вообще при подвижныхь путешествьихь и такихь быстрыхь переходахь наблюдения являются на столько отрывочными и случайными, что строгато вывода сьдвать невозможно. Однако, по рассказамъ туземцевь и по тьмь отрывочнымъ наблюдениямъ, которыя были нами сьдъланы, можно составить нькоторое понятие о суровости Памирскаго климата. Такъ зима тамъ царствуеть семь мьсяцевь. Трудно сказать, какой промежутокъ времени занимаетъ льто. Если считать льтомъ время, когда не существуеть ночныхь морозовь, то врядь ли можно продолжительность такого льта установить болъе мьсяца. Сколько я припоминаю, то съ половиной юня, июль, начало и, пожалуй, даже середина августа, то есть самые жаркье мьсяца, — часто представляли въ томъ или другомъ мьсть примьры ночныхь заморозковь. Положимъ, это бывало на большихь высотахь, но если мы примемъ въ расчетъ, что въ верховьихь Истыка долина находится почти на 14¹/₂ т. футъ, то высота въ 15 т. или 15¹/₂ т. футъ не представитъ уже особенно большой сравнительной разности. И ть мьста, гдь мы наблюдали ночные морозы, не будутъ выдаваться противъ этой высоты. Обыкновенно въ жаркье дни я хьхалъ въ тельной курткь и сверху въ вьтль. И посль такого дня ночью перьдко наблюдался морозъ въ 2, 3 или даже 6° С. Раннимъ утромъ вдоль ручьевь виднись цьблудь бахраму изъ ледяныхь сосулекъ, а вьодеть солнце и вдоль этихъ же ручьевь пестрять цьвгущия растенья.

Что касается до количества выпадающихь осадковь, то по нашимъ наблюдениямъ ихъ втеченья льтнихь мьсяцевь выпадаетъ очень мало; даже облачныхь дней наблюдалось весьма немного. Дожди въ большинствь случаевь выпадаютъ на половину со сньгомь; въ половиной юня и въ началь июля мнь приходилось идти подь бураномъ, положимъ небольшимъ, но раза два все-таки же покрившимъ всю землю совершенно бьлымъ покровомъ.

Относительно количества сьнга зимой трудно сказать что либо определенное; дьло въ томъ, что на Памирь существуютъ мьстности, въ которыхь, по показанью туземцевь, скопляется много сьнга, напротивъ, въ другихь или не бываетъ, или очень мало. Такъ напримьръ въ низовьихь Истыка и въ сосьднихь долинахь Ак-буры, также на Куль-джилага и въ долинь Шураля сьнга зимой не бываетъ или бываетъ такъ мало, что тамъ легко могутъ пасться ба-

раны, как например, на Шуралы и около Кокуй-беля, или собираясь стада архаровъ и кинговъ, какъ на Истикъ и Акъ-буръ.

Подобное явление, я полагаю, зависитъ главнымъ образомъ отъ сильныхъ вѣтровъ, которые способствуютъ неправильному распределенію снѣга, т. е. набиваютъ значительныя его отложения въ одномъ мѣстѣ и проносатъ или сдуваютъ его въ другомъ.

Утверждаютъ, будто бы южное солнце такъ сильно грѣбитъ, что вышавшій снѣгъ, на всѣхъ открытыхъ мѣстахъ, даже зимою, весьма быстро сходитъ¹⁾. Но съ другой стороны существуютъ мѣстности среди Памира, гдѣ снѣгами закрываются всѣ дороги, а если и остаются открытыми, то зимою морозъ доходитъ, во всякомъ случаѣ, до такого числа градусовъ, что всѣ рѣки, даже довольно быстрыя, покрываются льдомъ (какъ напр. Мургабъ).

Вѣтры, преобладающіе на Памирѣ, сколько мнѣ пришлось наблюдать, главнымъ образомъ западныя, чему, вѣроятно, способствуетъ преобладающее западно-восточное направление долины. Хотя я наблюдалъ и противоположныя теченія вѣтра, но они являлись болѣе или менѣе случайными; кромѣ того, разспросы туземцевъ показали, что и зимою преобладаютъ западныя вѣтры.

Теперь для насъ должно быть болѣе или менѣе ясно, среди какой природы протекаетъ жизнь человѣческихъ существъ, разселившихся на Памирѣ. Существа эти принадлежатъ къ двумъ народамъ: одна коренная памирская, монгольскаго племени — киргизы. Это тѣ киргизы, которые сами себя называютъ этимъ именемъ и которыхъ мы, въ отличіе отъ киргизъ-кайсаковъ или казаковъ, называемъ кара-киргизами. Они принадлежатъ къ четыремъ подродамъ: Теитъ, Гадырша, Найманъ и Кипчакъ.

Главная часть этого населенія сосредоточивается въ долинахъ Сѣверной и Южной Гевы (зимовка бека, какъ я говорилъ, въ ур. Мужы), въ районѣ Рянъ-гуля, на Акъ-байталѣ, на Акъ-су и на Аличурѣ (гдѣ зимуетъ до двадцати кибитковъ), затѣмъ въ бассейнѣ Кокуй-беля. Кромѣ того, одна или двѣ кибитки киргизовъ кочуютъ лѣтомъ около Урта-беля, но остаются ли они тамъ постоянно — я не знаю. На Верхней Тагарѣ точно также селятся киргизы.

Распределение этихъ родовъ слѣдующее: первые два рода держатся главнымъ образомъ западной и юго-западной полосы, а сѣверо-восточной главнѣйше наймапы и кипчаки.

Киргизы эти, какъ родственные нашимъ алайскимъ, весьма

¹⁾ Судя по показанію англійскихъ экспедицій, это не совсѣмъ вѣрно.

сходны съ ними по типу, т. е. имѣютъ на столько же некрасивое лицо съ широкими скулами, также отличаются отъ казаковъ тѣмъ, что у многихъ киргизовъ сильно развиты борода и усы. У всѣхъ почти памирцевъ болные глаза — преимущественно отъ солонцевой и песочной пыли, поднимающейся нерѣдко подъ ударами сильнаго вѣтра. Отличительной же болѣзью ихъ можно считать зубную боль.

Мы привыкли обыкновенно видѣть въ предѣлахъ нашего Туркестана эту монгольскую расу съ такими прелестными зубами, что весьма страннымъ кажется памирскій киргизъ съ испорченными зубами, вѣчно поющій. Лѣтомъ ихъ одолеваетъ другая еще болѣзнь — у нихъ трескаются губы. Страданіе ревматизмами развито повсемѣстно, также какъ и другія простудныя болѣзни, кромѣ однако лихорадки, которой они совершенно не знаютъ.

Иенскій головной уборъ — который различаетъ киргизскіе роды между собою, такъ какъ мужчины одѣваются совершенно одинаково — тотъ же, что и у нашихъ алайскихъ киргизовъ, т. е. большой бѣлый тюрбанъ, сильно нависшій напередъ.

Что касается до характера памирскаго киргиза, то, какъ уже можно заключить изъ той обстановки, среди которой живетъ эта народность, послѣдняя должна принадлежать къ типу самаго кореннаго номада. Киргизъ-памирецъ до того кочевникъ, не любящій ничего осѣдлаго, что даже среди здѣшнихъ вѣтровъ и холодовъ онъ не подумалъ о возможности построить себѣ зимовку, и зимуетъ всегда въ тѣхъ же равныхъ кибиткахъ, въ которыхъ живетъ и лѣтомъ; мало того, даже этихъ кибитокъ онъ не обкладываетъ на зиму ни камнями, ничѣмъ другимъ. Это особенно бросается въ глаза потому, что рядомъ съ нимъ родственные ему киргизы Средняго и Нижняго Алая строятъ весьма обстоятельныя зимовки какъ для скота, такъ и для себя.

Лѣтомъ памирскіе киргизы кочуютъ обыкновенно тысячи на двѣ, на три футъ выше, чѣмъ зимою, т. е. зимовка стоитъ на 11—12 т. ф., а кочевье забирается до 14¹/₂ т. ф. Главнымъ образомъ причина ихъ стремленія забраться выше, какъ они заявляютъ, заключается въ томъ, чтобы извѣститъ скотину отъ болотистой низменной мѣстности, гдѣ ее одолеваетъ оводъ, слѣбни и комары, и чтобы воспользоваться питательнымъ ковыльнымъ кормомъ, который въ низовьяхъ не растетъ.

Пища этихъ киргизовъ преимущественно молочная: кумысъ (по крайне рѣдко), молоко свѣжее, квашенное или смѣшанное съ водой, сыръ сушеный и растертый съ водой, или сыръ свѣжій, напоми-

нающий наш густой творог (изъ молока кутаса); кутасовый сыр у них особенно в ходу и всегда, пускаясь в дорогу, они запакаются ломтиками этого сыра. Мнѣ рассказывали, будто тотъ же самый сыръ былъ приспособленъ нѣкоторыми киргизами къ чрезвычайной оригинальному употребленію, именно къ выдѣлкѣ изъ него подковъ для лошадей. Дѣло въ томъ, что кутасовый сыръ покрывается особой сохнущей коркой, имѣющей чрезвычайно упругую, вязкую, кожоподобную или желатинную консистенцію; если подобнаго рода корка срѣзана въ известную толщину и въ половинѣ ея сухости изъ нея вырѣзана подкова, то высушенная затѣмъ она, за неимѣніемъ желѣзныхъ подковъ, можетъ выдержать нѣсколько дней ѣзды по камню. Хотя и самъ не видаль подобнаыхъ подковъ, но если хоть изрѣдка онѣ примѣняются, то фактъ этотъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ любопытенъ въ томъ отношеніи, до какихъ курьезныхъ мелочей проникло молочное хозяйство на Памирѣ.

Хлѣба въ теченіи лѣта памирскіе киргизы совершенно не знаютъ и лакомятся имъ лишь только поздней осенью, когда посѣиваетъ хлѣбъ въ Шугнанѣ. Мясо ѣдятъ крайне рѣдко.

Что касается до нравственной фizioноміи памирскихъ киргизовъ, то она весьма близка къ складу той же самой народности, съ которой мы хорошо знакомы въ русскомъ Туркестанѣ, только памирецъ является болѣе одиачнымъ, менѣ развитымъ и, главное, онъ болѣе барантачъ-воинъ, такъ какъ на Памирѣ, среди этой Божьей страны, никому не принадлежащей и находящейся въ среднѣ между часто воевавшими между собой ханствами, всего естественнѣе было развиться барантачу-воину. До сихъ поръ на Памирѣ живетъ знаменитый разбойникъ Саибъ-Назаръ, который еще очень недавно наводилъ страхъ на весь Алай, держалъ въ рукахъ или, по крайней мѣрѣ, заставлялъ сильно дружить съ собой шугнанскаго хана. Теперь этотъ Саибъ-Назаръ уже сильно ослабѣлъ: и самъ онъ, и старшій его сынъ уже калѣки, съ поломанными руками, да и поѣздка наша за Алайскія горы заставила его сильно призадуматься.

Среди преданій памирскихъ киргизовъ всего болѣе встрѣчаются рассказы о войнахъ, въ которыхъ они принимали участіе,—войнахъ съ канжутцами, шугнанцами и кашгарцами. Многочисленные памятники, раскиданные по Памиру, каковы, напримѣръ, *Юль-мазаръ* (англ. и русск. астрон. пунктъ), обыкновенно неправильно называемый Яль-мазаръ, хотя киргизское имя его очень опредѣленно—„придорожная могила“; такіе памятники сосредоточиваютъ

вокругъ себя рядъ рассказовъ о храбро павшихъ въ войнѣ съ канжутцами и шугнанцами.

Заговоривши объ этой воинственной чертѣ киргизовъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ трагическая дѣйствительность имѣла онъ принадлежать какой нибудь сосѣдней съ Памиромъ странѣ или онъ божій, „памирскій“ киргизъ и больше ничего?

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ памирскіе киргизы принадлежали коканскому хану. Въ то время коканскій ханъ вѣлъ войну съ Кашгарегиномъ и Шугнаномъ и представлялъ изъ себя весьма значительную воинственную силу, потому всѣ киргизы и держались за него. Но съ занятіемъ Кашгарскаго ханства Якубъ-бекомъ, памирскимъ киргизамъ пришлось измѣнить свое подданство. Якубъ-бекъ для войны съ китайцами пригласилъ ихъ поступить къ себѣ въ войска, обещая родоначальникамъ чины эсауловъ, сотниковъ и пр. Всѣ годные къ войнѣ киргизы собрались на этотъ призывъ и перешли къ Якубъ-беку, т. е. въ Кашгаръ. Послѣ того какъ Якубъ-бекъ отразилъ китайцевъ; большинство киргизъ осталось у него на службѣ и такимъ образомъ, были прирѣдлены къ Кашгару. Когда же китайцы опять заняли Кашгаръ, явился спорный вопросъ: кому принадлежать памирскіе киргизы? Сами киргизы уязвляють, что находились у Якубъ-бека только на службѣ, но были подданные коканскіе; китайцы же утверждаютъ, что во время занятія Кашгара киргизы были кашгарскіе и, следовательно, теперь должны быть китайскими. Этотъ вопросъ стоитъ въ связи съ вопросомъ о разрѣшеніи направленія нашей границы съ западнымъ Китаемъ, и какъ онъ будетъ рѣшенъ, трудно предвидѣть.

Такъ какъ природа, среди которой поселились памирскіе киргизы, природа весьма бѣдная, ничего имъ не дающая, то вмѣстѣ съ исторической ихъ жизнью весьма естественно сложился и типъ памирца кочевника, т. е. кочевника бѣдняка исключительно. У него нѣтъ своей лошади (мы рѣшительно не знаемъ примѣра на Памирѣ, чтобы киргизы имѣли свои табуны) и обыкновенно за лошадями они ѣздятъ въ Ферганскую область. Барановъ у нихъ крайне мало; ихъ кутасы — это сокровище, дающее лучшее молоко и сыръ, служащее вѣчнымъ животнымъ и считающееся почетнымъ угощеніемъ на пирахъ — этотъ якъ года два тому назадъ погибъ почти весь отъ чумы. Верблюдовъ я видѣлъ всего штукъ три, четыре.

Итакъ, что киргизы, не смотря на всю привычку къ своему мо-

лочному хозяйству, всегали, вполне зависеть от культурной почвы. И действительно, он или тяготеет к Кашгару, или идет в "Анджидан", как он называется всю Ферганскую область, или же в Шугнан (в последний, впрочем, он идет за одним хлебом и в обмен на этот хлеб берет с Памира соль).

Из Кашгара и главным образом из Ферганы на Памир двигаются так называемые "савдагары", т. е. торговцы, набирающие халаты, хлопчатобумажные ткани, дешевые седла, подковы и проч. мелкие вещи, вывозимые порядком везущие их продавцы на Памир, в обмен на такие сирые предметы, которые могут находиться у киргизов, т. е. шкуры, масло, кошмы, а главным образом на скот — баранов и коз.

Другая народность, живущая если не на самом Памире, то в ближайшем с ним соседстве, принадлежит к другому племени, арийскому — это таджики.

Хотя таджикская народность находится и в Кашгаре, и в Фергане, но я буду говорить только о таджиках Шугнана, Рохана и Дарваза, а отчасти, конечно, и Каратегина, как соседней с Дарвазом местности, тесно связанной с упомянутыми горными провинциями во многих отношениях.

Выглянешь на таджика горца, — и прежде всего сказывается раса: вы сразу видите, что это другой человек — не киргиз, не монгол. Правильная черта лица, открытые, прямо поставленные глаза, густые брови и бороды (часто русые волосы), другой склад всего корпуса, уже сразу отличает арийское плем. Кроме того в этом же самом таджике вы встречаетесь с необыкновенным стремлением к оседлости, к культуру. Но при всем том он обременен едва ли не больше, чем памирской киргиз. Если баранчак-киргиз шел сам на клич беков и попадал к ним на службу, а потом и в подданство, то таджика-горца забирали, приходя к нему: ему некуда было уйти от своего селения и поля, которое он очистил с таким упорным трудом собственными руками от громадных завалов камней; чтобы таджик поднялся с своего места, бросил свое селение, для этого нужны были выходящие из ряда вон притеснения и насилия. Судьба загнала его в чрезвычайные тесные горы: долина его узка или же совсем превращена в теснину, везде камни, дороги непроходимы, земля с трудом родит, а главное ей почти нет. Между тесн, притеснения и поборы огромны. По-видимому, что при всей этой обстановке мог сложиться лишь тип

больше или менее загнанного человека. И действительно, входя в полосу западной окраины Памира, мы входим в своеобразный мир вассальных владений, в мир того полударского состояния народа, которое я сравню с крестничеством, — такой мир, наконец, в котором еще до нас существует форменное рабство.

То положение, что страна замкнута, трудно доступна, прижата к Памиру, удалена от главных исторических центров Средней Азии, позволило ей, повидимому, управляться самостоятельно; но она бедна, мало населена и поэтому в культурном отношении она всецело находится в зависимости от соседних богатейших местностей. Кроме того, Шугнан и Дарваз находятся, так сказать, на границе столкновения сильных самостоятельных владений, каковы Китай, Вадахшань, Бухара, Кокань, и само собою это промежуточное положение заставляло мелких припамирских ханов примыкать непременно к той из сильных стран, которая в данную минуту являлась наиболее могущественной. Отсюда сложилось их вассальное положение. Но так как они заброшены от своей метрополии Бог знает в какой недоступный уголок, то внутри, у себя, владения этих ханств могли развиваться совершенно самостоятельно; в своем маленьком мире они были десятилетиями, а десятилетиями мелкими, инстинктивно свой производил во все подробности народного быта. Таким порядком сложился крестный тип. Хан делил свою землю на поместья и распределял их между своими детьми, племянниками и т. п. Таким образом возникла целая масса "куртанов", т. е. крестностей, в которых живут беки, родственники хана. Каждый бек есть управитель двух-трех селений, а так как разница и в развитии, и в потребностях между этими беками и народом весьма небольшая, наконец, этого народа очень мало сравнительно с числом управителей, то очевидно, что беки и хан выигрывают во все мелочи жизни своих подданных. Создается барщина и оброк. Барщина состоит в обработке "казенных" земель, т. е. лучших участков, нашедшихся в тесной и бедной горной стране, в посеве этих участков, в уборке и в перетаскивании хлеба на место. Мы известно, что в Дарвазе издавна еще практиковался способ брать на беские дворы прислугу из народа: на несколько месяцев поочередно из каждой деревни на службу к беку отправлялись женщины. Оброк, смотря по местности, накладывался на один дом в таком виде: баран или козел, суконный халат, одна пара деревянных башма-

копья, одна деревянная чашка, лопата, 2—3 вязанки дровъ, одна чашка масла, два мѣшка мака, одинъ арканъ, одна курица. Въ Дарвазѣ шерстяной халатъ замѣнялся бумажнымъ, такъ какъ тамъ разводятся хлопощь.

Кромѣ того въ Дарвазѣ была введена подать желѣзомъ. Такъ какъ на р. Ванчѣ существовала и теперь еще существуетъ добыча желѣзной руды и приготовленіе изъ нея мѣстнымъ способомъ желѣва, то вѣроятно раньше эта подать и касалась исключительно Ванчской провинціи и уже впоследствии была распространена и на остальныя мѣстности Дарваза, которыя о своемъ желѣзѣ и понятія не имѣютъ. Размѣръ желѣзной подати равняется 7¹/₂ фунт.

Такимъ-то порядкомъ, среди суровости и скудости природы и тяжести управленія, выработался тотъ коренной бѣднякъ, который все глубже забирался въ горы и обособлялся. Но по отношенію къ Шугану и Ротану надъ этимъ бѣднякомъ еще тяготѣла одна злоба: онъ исповѣдывалъ непризнанный религію, онъ былъ шитъ, вѣрилъ въ Али, тогда какъ владѣльцы его и сильные сосѣди были суниты, „правовѣрные“ магометане. Такимъ образомъ явилось преслѣдованіе нашего горца еще какъ еретика. Сунитъ имѣлъ право совершенно безнаказанно поймать шита и продать его въ рабство.

Отсюда понятно, что горный таджикъ, чтобы сохранить вѣру и обычай своихъ отцевъ, нѣсколько долженъ былъ забраться въ свои неприступныя горы, но и сосредоточиться, замкнуться въ самомъ недоступномъ мѣстѣ, создавши такъ сказать два лица—одно официальное, для сношеній съ вѣншимъ міромъ, другое свое, народное, открытое только для своей собственной культуры. Такъ явились тѣ поразительныя, совершенно противоположныя качества въ горцѣ-таджикѣ, которыя поражаютъ попавшаго къ нимъ европейскаго путешественника; такъ выработались и тѣ идіомы языка, которыя извѣстны у шуганцевъ и ваханцевъ, и которые противопоставляются ими языку официального таджикскому.

Культура этого своеобразнаго народа прежде всего выразилась въ его хозяйствѣ. Дома шуганцевъ, ротанцевъ и дарвазцовъ не представляютъ того, что мы привыкли видѣть въ домахъ нашихъ среднеазиатскихъ мусульманъ, примѣромъ которыхъ можно взять жителей Бухары.

Типъ туркестанскаго мусульманскаго дома слишкомъ хорошо общезвѣстенъ, чтобы нужно было его описывать.

У нашихъ новыхъ знакомцевъ горцевъ-таджиковъ мы встрѣчаемъ совершенно другое. Ихъ хаты, сложенныя изъ камней, сва-

лившихся съ горы, или изъ комковъ глины, весьма невелики, безъ всякой отдѣлки и снаружи напоминаютъ чаще хлѣвъ, чѣмъ жилище человѣка. Но войдите въ середину и вы будете удивлены: прежде всего вы войдете въ сѣни, за ними слѣдующая дверь ведетъ въ домъ. Домъ устроенъ такимъ образомъ, что по серединѣ его идетъ узкій корридоръ или проходъ аршина въ два ширинъ; чаще онъ имѣетъ фигуру или Г, или же буквы Т. По бокамъ этого хода сдѣланы высокія нары, подъ которыми помѣщается скотина, главнымъ образомъ козлята, вурь и проч. Нары эти и составляютъ собственно помѣщеніе. Они раздѣлены на участки, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое назначеніе: кухня съ очагомъ, гдѣ есть еще маленький подручный очагъ; есть участокъ женскій съ ткацкимъ станкомъ и приспособленіями для ручныхъ женскихъ работъ; есть участокъ спальня, и участокъ гостиная—самый видный, гдѣ постигается воина или одѣвая и принимаютъ гости. Среди такихъ оригинальныхъ „комнатъ“ вы видите множество разныхъ стѣнъ, перегородокъ, столбовъ, выдающихся частей, сдѣланныхъ изъ глины; въ большинствѣ онѣ не доходятъ до потолка и служатъ амбарами и шкапами, куда складываются хозяйскія запасы. Въ верхнія отверстия насыпается зерно, мякина и т. п.; амбары закрываются крышками и замаскированы, для доставанія же зерна снизу сдѣланы мелкія отверстия.

Особенность внутренняго убранства, это—множество разныхъ шкафчиковъ и печурокъ. Стѣны обыкновенно весьма тщательно оштукатурены глиной руками женщинъ, большихъ искусницъ. При этомъ часто стараются выкрасить стѣны и потолокъ въ различный цвѣтъ: если напримѣръ комната желтая, потолокъ дѣлается красный; печурки и разныя пиши украшаются разными узорами; дѣлаются подвижныя сундучки изъ глины, которая мѣшается съ мякиной; изъ глины же дѣлаются подсвѣчники для шуганскихъ свѣчей, аршина въ полтора длиною, приготовляющихся изъ особаго тростника, на который налѣплена смѣсь изъ бараньяго помета и лыянаго сѣмени. Когда вы войдете въ подобную комнату и взглянете въ все эти мелочи, вы будете поражены тѣмъ стремленіемъ къ мелкому хозяйству и тѣмъ вкусомъ и желаніемъ удобства и красоты, которыя царствуютъ среди этой бѣдности. Вы встрѣтите здѣсь такую заботливость, такую любовь къ своему хозяйству, такую уютность, что нѣвольно поддадитесь тому благодушному настроенію, которое охватываетъ насъ всегда среди простой, небогатой, но хозяйственной и чисто сельской обстановки, чему здѣсь особенно помогаетъ еще добро-

душно-наивное выражение оригинальных физиономий горцев-таджиков. Характерным отличием жизни этих горцев является развитие у них кустарного промысла. Живя вдали от базаров, не имея сносных дорог, встречая лишь рудного торговца с весьма немногими предметами и притом крайне дорогими, туземцы волею-неволею должны были сами научиться дѣлать все для себя необходимое. И въ этихъ самодѣльныхъ кустаряхъ вы будете поражены стремленіемъ къ художественности. Горшки, плошки и вся прочая гончарная посуда дѣлается женщинами руками; станка у нихъ нѣтъ. И все это сдѣлано гладко, тонко, прочно и довольно красиво. Для всякой мелочи у нихъ существуетъ свое приспособленіе, свои посудина: напримеръ, для того, чтобы перенести изъ дома въ домъ огонь (спичекъ они не знаютъ) приспособлена особая глиняная доска съ ручкой; для всякой посуды существуетъ своего рода крышка и ни одного горшка вы не найдете безъ такой крышки. На посудѣ часто можно видѣть различныя самодѣльные узоры. Тамъ гдѣ народъ живетъ среди тѣса и гдѣ имѣетъ возможность добывать его, кустарный промыселъ примѣняется къ работамъ изъ дерева — дѣлать кориты, лопаты и башмаки, которые тамъ въ особенномъ ходу. Башмаки эти общезвѣстнаго типа, на шпалахъ высотой болѣе дюйма. Они крайне велики и неуклюжи, но чрезвычайно ловко носятъ горцами. Простые деревенскіе башмаки приготавливаются изъ тополя, а для бека дѣлаются изъ ореховаго дерева.

Хлѣбопашество отличается опять таки тѣмъ же кропотливымъ характеромъ и огромнымъ трудомъ, при малыхъ результатахъ; чтобы подготовить поле, его нужно очистить отъ огромныхъ заваловъ камней. Для этого мало того, что нужно сдвинуть весьма большіе камни, но главнымъ образомъ нужно собрать массу мелочи, которая покрываетъ почву. Когда вы вступате на поля этихъ горцевъ, вы не вѣрите, что это не шоссе, а поля, но когда взглянете на каменные барьеры, окружающіе каждый участокъ такого поля и узнаете, что эти барьеры сложены руками изъ миллионовъ камней, собранныхъ туземцами, чтобы очистить свои поля, тогда только вы оцѣните сколько нужно было затратить труда, чтобы горцу можно было прилѣпиться къ землѣ, — и тогда-то поймете какъ велика должна быть потребность въ томъ же горцѣ непрестанно жить осѣдло, хозяйственно, на своей землѣ, какова бы она ни была. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ ему уйти отъ своей земли? Заняться торговлей? — Но онъ еретикъ и при первой же повѣдкѣ его съ торговцами дѣлами онъ будетъ пойманъ киргизомъ и проданъ въ ра-

бство, а ближе всего его оберетъ ханъ или бекъ. И таджики сидятъ крѣпко на своихъ мѣстахъ, крѣпко держатся за землю. Невольно удивляешься до какой мелочности доходятъ поля этихъ таджиковъ. Вы удивитесь и не повѣрите, если я скажу вамъ, что встрѣтилъ полоску равняющуюся поверхности того стола, за которымъ вы теперь сидите. Но это не „красное слово“. Увидать горцевъ ничтожный ручеекъ, и около площадку земли, и онъ пришелъ сюда за двадцать верстъ специально затѣмъ, чтобы посеять двѣ-три горсти ячменя. Согласитесь, что для этого нужна специальная привязанность къ землѣдѣлю.

На лѣто они большими партіями уходятъ на высокія мѣста, недоступныя для культуры, но съ хорошими пастбищами, и тамъ отвармливаютъ свою скотину. Скота у таджиковъ чрезвычайно немного. Кутасовъ у нихъ уже нельзя разводить; коровы очень мелки; лошадей у нихъ мало и то болѣею частью недоморощенные. Остаальной скотъ состоитъ изъ мелкихъ козъ, барановъ и ослонъ. Вслѣдствіе того, что земля требуетъ ежегодно большого удобрения навозомъ, тамъ выработался специальный способъ содержания скотины зимой: рядомъ съ жильемъ, строятся маленькія хатки для скота, который запирается на все зимнее время и выпускается лишь на водопой. Это дѣлается исключительно только для того, чтобы побольше собрать навоза. Духота въ этихъ клѣткахъ настолько велика, что бараны обыкновенные киргизскіе (курдючные) не могутъ выдерживать такого воздуха и горскіе таджики должны были завести другихъ барановъ, такъ называемыхъ гадиковъ, которые напоминаютъ нашихъ мелкихъ съ длинными хвостами (зоологическаго вида ихъ я опредѣлить не умѣю).

Я говорилъ уже о путешествующихъ торговцахъ среди Памирскихъ киргизъ. Тѣ же савдагары изъ Капшгара, Бадахшана и Ферганы заѣзжаютъ и въ описываемыя горныя бекства для обмѣна своихъ товаровъ на мѣстныя произведенія. Денегъ горцы почти не знаютъ или дѣвять ихъ гораздо ниже ихъ стоимости. Я имѣлъ не разъ случай убѣдиться въ этомъ. Такъ напр. за чашку масла я предлагалъ 30 коп. на наши деньги бухарскимъ серебромъ — мнѣ не отдали и просили 90 коп.; когда же я предложилъ за эту чашку масла аршинъ ситцу въ 14 коп., то они съ радостью согласились; за барана съ меня просили 20 р. с. и опять таки отдали за халатъ въ 6 аршинъ того же самого ситцу, тогда какъ изъ денегъ нельзя было выторговать ни одного дутривеннаго. Очевидно, что съ такимъ народомъ очень выгодно купцамъ вести дѣло.

Савагары торгуют главным образом ситцами и мѣстной бумажной тканью; при мѣбѣ, конечно, берутъ огромнѣйшіе проценты съ населенія, и разыгрываютъ совершенно такую же роль, какъ офени въ нашихъ глухихъ деревняхъ, отдавая свои товары въ обмѣнъ на скотъ, хлѣбъ, шерстяныя ткани и проч. Само собой разумѣется, что таджикъ приходилось болѣе всего надѣяться на свое домашнее рукоделие. Такъ какъ въ его рукахъ нѣтъ хлопка (который выращивается только въ Кала-и-хумѣ), то вся одежда его превратилась въ шерстяную. Онъ носитъ и шерстяную рубашку, и шерстяные штаны, и халатъ, и пашку; только топы (ермолка) его дѣлается изъ привознаго ситца. И нужно отдать справедливость, что эти шерстяныя ткани весьма хороши. Точно также хороши таджикскія войлоки, и тѣ напр. которые я видѣлъ въ Каратегинѣ, стоять выше образцовыхъ киргизскихъ.

Что касается до общественной жизни таджиковъ, то первое, на что и долженъ указать, это то, что среди этого мусульманскаго уголка, мы встрѣчаемъ женщину не въ безобразной паранджѣ съ завѣшеннымъ сѣткой лицомъ, а открытую. Это имѣетъ такое серьезное значеніе для общественной и семейной жизни, что я подчеркиваю такую особенность. Одѣваются женщины обыкновенно въ простую длинную рубашку ниже колѣнъ, въ длинныя шаравары, спускающіяся нерасиво на ступню и завязанныя на лодыжкѣ; волосы заплетаютъ въ двѣ косы и на голову не надѣваютъ, а набрасываютъ большой несложненный платокъ. Другая особенность, которую мнѣ удалось подмѣтить, и которая вѣроятно есть болѣе всего результатъ простой сельской жизни, заключается въ томъ, что у горцевъ таджиковъ мы не видимъ того таинственнаго рабскаго положенія женщины, какъ у киргизовъ. Киргизская баба — работница съ рожденія до смерти: она ходитъ за лошадыю, за скотомъ, собираетъ топливо, носитъ воду, варитъ, печетъ, шьетъ и т. д., мужъ же ничего не дѣлаетъ — его дѣло ѣздить, собирать новости, влязничать, скакать, участвовать на всѣхъ попойкахъ и гулянкахъ. Напротивъ у горцевъ мы видимъ, что если жена и обременена работою, то немалый трудъ выпадаетъ и на долю мужчинъ; кромѣ того женщина таджичка является наиболее искусною по части хужождества вустарнаго дѣла, которая она непремѣнно старается осуществить. Правда, мы поражаемся непривлекательностью женскаго костюма — онъ всегда грязенъ и оборванъ, что называется „огня прѣстки“, — но это есть результатъ той крайней бѣдности, о кото-

рой я говорилъ, бѣдности не менѣе наглядно выражающейся и въ отрешенъ мужскаго костюма горцевъ.

У горцевъ существуютъ общественные праздники, на которые съходятся женщины и мужчины, но въ танцы пускаются одни мужчины, женщины же присуствуютъ только въ качествѣ зрителей, хотя участвуютъ въ подбѣваніи общественнымъ пѣснямъ и бьютъ въ ладоши. Пѣсенъ у горцевъ (я слышалъ ихъ въ Рошанѣ очень много и пѣсни ихъ крайне характерны и мелодичны, при чемъ многія наполняютъ совершенно итальянскія серенады.

Что касается языка шуганцевъ и рошанцевъ, то онъ имѣетъ въ себѣ много словъ, чисто таджикскихъ; нѣкоторые изъ нихъ измѣнены произношеніемъ въ той же степені, въ какой разнятся наур-слова русскія отъ малороссійскихъ. Слова же чисто шуганскія представляютъ, по общему ихъ характеру, много сходства съ англійскими, польскими и пожалуй отчасти съ итальянскими. Для характеристики языка и беру наудачу нѣсколько словъ:

холстъ — хвинчъ,	другъ — амро,
баранъ — джандоръ,	облако — вармъ,
верблюду — хтуръ,	полный — ляплъ,
овца — миридъ,	хорошій — башандъ,
быкъ — хичъ,	мой — му,
лошадь — ворджъ,	твой — те,
сестра — яхъ,	что? — дананга?
дорога — пунтъ,	вѣ — фокафе.
домъ — чиде.	

Займствованными изъ таджикскаго языка:

зумъ — хвостъ (думъ),
вру — бровь (эбру),
пихинъ — полдень (пихинъ).

существуетъ много забавныхъ совпадений съ языкомъ русскимъ, какъ напр.:

носъ — нелъ,
мать — матъ,
теперь — шичасть,
луна (мѣсяцъ) — мѣсть,
тонкій — тонукъ.

Въ нѣкоторыхъ словахъ слышится какъ будто заимствованіе

и изъ языка киргизовъ, въ близкомъ соседствѣ съ которыми лѣтъ 20—40 тому назадъ жили пугнанцы:

узумъ — самъ,
джальдъ — скоро.

Для того, чтобы показать, что это будетъ въ произношеніи цѣлой фразы, я приведу слѣд.:

чи думъ пунте саве? — куда надо идти?

На мой неискусный слухъ это напоминаетъ какъ будто нѣчто сходное съ итальянской рѣчи. И я тѣмъ охотнѣе поддерживаю возможность такого совпаденія, что когда я слышалъ романскія пѣсни, меня поражало сходство многихъ ихъ мотивовъ и речитативовъ съ итальянскими серенадами. Къ сожалѣнію, я, плохо знающий съ ногами, не могъ записать этихъ пѣсней, и мнѣ остается только завѣрить, что въ числѣ слышанныхъ мною штукъ сорока или пятидесяти мотивовъ многіе были необыкновенно интересны и характерны.

Для того, чтобы характеризовать пугнанскій счетъ я приведу слѣдующее:

1 — ивъ,	9 — ноу,
2 — зунъ, до,	10 — дзисъ,
3 — аррай,	11 — дзис-ит-ивъ,
4 — цаворъ,	12 — дзиситъ-зунъ,
5 — шиндъ,	20 — до-дзистъ,
6 — хауh,	30 — арра-дзистъ,
7 — луфтъ,	50 — шиндъ-дзистъ,
8 — уахтъ,	100 — дзисъ-дистъ.

Покончивши съ фактическимъ матеріаломъ, я постараюсь въ короткихъ словахъ высказать тѣ общіе географическіе выводы, которые могутъ быть сдѣланы въ настоящее время.

Главные результаты, добытые экспедиціей, замъ до нѣкоторой степени знакомы уже изъ моего алайскаго письма ¹⁾. Они представляются въ видѣ: а) 11-ти астрономическихъ пунктовъ, изъ которыхъ два общіе съ астрономическими наблюденіями англичанъ въ Юль-мазаръ на западѣ и въ Ташкурганъ на востокѣ (наблюденія произведены кап. Путятюгъ); б) пятиверстная карта (работа эта есть результатъ съемки всѣхъ членовъ экспедиціи; главная часть при-

надлежитъ, конечно, топографу Бендерскому, около четверти Памира мнѣ); в) около 300 опредѣленной высотъ различныхъ пунктовъ барометромъ, анероидомъ и угломѣрно (большая часть опредѣленной сдѣлана мною); г) затѣмъ свѣдѣній по геологій и физической географіи, которыя и дали главный матеріалъ для взгляда на общій характеръ странъ; д) небольшой гербарій и е) наброски карандашемъ, знакомящіе съ природою и съ человѣкомъ на Памирѣ.

Ограничиваясь этимъ краткимъ перечисленіемъ, я прямо перейду къ общимъ географическимъ выводамъ. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: въ настоящее время, сводя весьма обширные матеріалы по всему Памиру въ одно цѣлое, возможно точное опредѣленіе, что такое Памиръ. Прежде всего на этотъ вопросъ приходится отвѣтить, что предыдущіе путешественники сдѣлали изъ слова *Памиръ* какъ бы нарицательное имя и, такимъ образомъ, ввели въ географію этой страны нѣсколько *Памировъ*. Такъ появились „Памиръ Аличуръ“, „Малый Памиръ“, „Большой Памиръ“, „Харгошъ-Памиръ“, „Серезъ Памиръ“ и т. п. На самомъ дѣлѣ этихъ мелкихъ „Памировъ“ не существуетъ и туземцы называютъ данную мѣстность просто тѣми именами, которыя у путешественниковъ приставлялись къ слову „памиръ“, т. е. Аличуръ, Харгошъ и т. д., и только въ единственномъ мѣстѣ на всемъ Памирѣ они относятъ слово *Памиръ* какъ собственное имя — это въ рѣбѣ, вытекающей изъ Большаго озера. Эта только рѣка и называется Памиромъ, какъ и вся область, лежащая въ верховьяхъ Аму-дарьи. Здѣсь не мѣсто излагать подробности, откуда произошла подобная ошибка. Но она повела къ тому, что путешественники надѣлали „памировъ“ даже и тамъ, гдѣ о памирскихъ характерныхъ признакахъ нѣтъ и помину. Таковы, напримеръ, „Харгошъ-Памиръ“ и „Серезъ-Памиръ“. Харгошей есть два: оба они противоположная чрезвычайной каменности ущелья; одно направляется къ югу къ Памиру, а другое къ сѣверу къ Аличуру. Оба эти тѣсныя и крутыя ущелья ведутъ къ перевалу Харгошъ въ 15.500 футъ, тоже каменистому и острому. Понятно, что здѣсь о томъ плоскогорьи, которое характеризуетъ „Памиръ“, не можетъ быть и рѣчи. Что касается до названія „Серезъ-Памиръ“, то несообразность такого сочетанія еще рѣзче: все, что относится до Сереза, все это, какъ вы припомните изъ моихъ рассказовъ, представляетъ тѣснину, непроходимыя мѣста. Такимъ образомъ, вы видите, что слово Памиръ выражаетъ: 1) мѣстное названіе рѣки, и 2) названіе цѣлой страны. Въ эту страну мы, дѣлающіе сводъ въ одно цѣлое добытыхъ географическихъ дан-

¹⁾ Извѣстія И. Р. Г. О., т. XIX, отд. II.

ныхъ, должны включить какъ верховья Аму-дары, такъ и область Верхней Гези, вислоко не отличающагося ни по физико-географическимъ признакамъ, ни по геологическому строенію отъ остальнаго Памира.

Памирь, по опредѣленію всѣхъ изыскателей и по объясненію самихъ туземцевъ, есть настолько высокое плоскогоріе, гдѣ ничего кромѣ травы не растетъ, ни хлѣба, ни дѣса, и живутъ только архары, яки, да бѣдные киргизы. Къ этому слову подходитъ и этимологическое толкованіе таджиковъ, что слово „Памирь“ происходитъ отъ слова „бамъ“ — крыша, что въ склоненіи персидскаго языка получаетъ на концѣ „и“; изъ этого „бамъ“, по нѣкоторомъ измѣненіи, въ результатѣ вышло *Памиръ*, *Памилъ*, быть можетъ даже отъ простаго сочетанія его съ киргизскимъ „иръ“ что значитъ „мѣсто“, „земля“.

И такъ, въ страну Памирь прежде всего войдетъ та высокая (отъ 9 до 14^{1/2} т. фут.) плоскость Подковы, о которой я говорилъ раньше. На востокѣ памирскую границу чрезвычайно рѣзко дѣлаетъ сама природа, именно Кашгарскими горами, гдѣ за ними тотчасъ же начинается рѣзкій уступъ и мы переходимъ въ Кашгарскую котловину. На югѣ и сѣверѣ мы имѣемъ тоже довольно опредѣленные линіи для отдѣленія Памира отъ сосѣднихъ мѣстностей. На западѣ же мы этой линіи не имѣемъ и я предлагаю, въ смыслѣ болѣе опредѣленнаго пониманія Памира какъ страны съ известными строго-типичными физико-географическими признаками, признать за эту границу полосу первыхъ полей съ обработкой хлѣба, т. е. линію первыхъ селско-культурнаго населенія. Она пройдетъ почти въ меридіанальномъ направленіи примѣрно отъ укрупненія Калаи-Панжа на Алай. Часть того Памира, который будетъ лежать непосредственно къ востоку отъ этой линіи, не будетъ принадлежать уже къ *плоскому Памиру*, о которомъ я говорилъ раньше, а представитъ Памирь Горный, со всѣми типическими чертами горныхъ странъ. При подобномъ точномъ и нисколько не искусственномъ опредѣленіи, что такое Памирь, не можетъ встрѣтиться уже гдѣхъ многочисленныхъ недоразумѣній, которыя существовали до послѣдняго времени и весьма нагляднымъ и ближайшимъ примѣромъ которыхъ можетъ служить смѣшеніе послѣднихъ экскурсій нашего почтеннаго сочлена доктора Регели въ южномъ Дарвазѣ и западномъ Шугнанѣ, съ работами на Памирѣ.

Разъясненіе памирской орографіи даетъ отвѣтъ и на вопросъ о проблематическомъ Болорѣ, т. е. о той меридіанальной горной цѣпи,

которая съиздавна фигурировала на нашихъ картѣхъ и только за послѣднее время подвергнута была сомнѣнію. Этотъ меридіанальный Болоръ научнымъ порядкомъ былъ установленъ Гумбольдомъ и Риттеромъ. На ихъ схематическихъ картахъ можно было видѣть такого рода картину (см. атласъ Берггауза):

Двѣ параллельныя ОВ-я горныя системы—Тяньшань на сѣверѣ и Гиндукушъ на югѣ—пересѣкались перпендикулярно къ нимъ цѣпью Болора, который отдѣлялся отъ Гиндукуша въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній соединялся съ Гималаей и Куенъ-лунемъ. На схемѣ Болоръ служилъ въ то же время и водораздѣломъ бассейновъ Аму и Тарима. При позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ, Болоръ, какъ топографическая меридіанальная цѣпь, былъ оставленъ по той уже простой причинѣ, что такого названія горъ въ дѣйствительности не оказалось; по въ работахъ ученыхъ замѣнился геологическимъ поднятіемъ меридіанальнаго направленія. Въ послѣднее время опять-таки мнѣнія раздѣлились. Одни высказывались за то, что меридіанальнаго поднятія на Памирѣ не существуетъ, другіе, въ томъ числѣ известный изслѣдователь Китая Рихтгофенъ и одинъ изъ старѣйшихъ путешественниковъ нашихъ по Туркестану Н. А. Сѣверцовъ, стали утверждать, что если и нѣтъ одного непрерывнаго въ видѣ цѣпи геологическаго поднятія, соответствующаго Болору, то за то существуетъ цѣлая система меридіанальныхъ поднятій, ясно выраженная геологическими фактами.

Въ виду того, что Н. А. Сѣверцовъ заявилъ въ одномъ изъ своихъ сообщеній въ нашемъ Географическомъ Обществѣ послѣ своихъ памирскихъ путешествій о несомнѣнномъ преобладающемъ меридіанальныхъ поднятій на Памирѣ, причѣмъ даже указалъ на многія мѣстности, я—съ надлежащей подробностью, какой требовало мое глубокое уваженіе къ работамъ Николая Алексѣевича—разсмотрѣлъ эти данныя въ специальномъ сообщеніи въ Отдѣленіи Географіи ¹⁾.

Здѣсь же скажу коротко, что мои геологическія изслѣдованія на всей площади Памира не подтвердили положенія Сѣверцова о существованіи системы меридіанальныхъ поднятій. Хотя я не былъ на самомъ востокѣ, но былъ близко и проходилъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ топографически хребтъ проявляетъ полную меридіанальность. На основаніи этого и на основаніи отсутствія ясно выраженныхъ и преобладающихъ меридіанальныхъ поднятій на всемъ, осмотрѣн-

¹⁾ См. слѣдующую статью.

ном мною пространствъ, я позволю себѣ сомнѣваться въ существованіи послѣднихъ и на самомъ востокѣ, т. е. въ системѣ Кашгарскихъ горъ и въ системѣ Тагдубаша. Указаніе Н. А. Сѣверцова, что на Памирѣ меридианальность поднятій ясно наблюдается не столько въ хребтахъ, сколько въ направленіи многихъ широкихъ долинъ, тоже не имѣетъ за себя прочныхъ фактическихъ показаній, ибо тѣ долины, которыя идутъ въ меридианальномъ направленіи, какъ напр. долина Кара-арта, Когуль-бели, Акбайтала и другія, не болѣе, какъ долины поперечныя, а не продольныя, направленія которыхъ совпадали бы съ линиями простирания горныхъ породъ. Прибавлю, что въ современномъ рельефѣ Памира приняли участие не однѣ воды, но еще и ледники, которые были развиты на Памиревомъ нагорьѣ въ огромнѣйшемъ размѣрѣ. Поэтому руководитесь направленіемъ существующихъ долинъ и хребтовъ при опредѣленіи общихъ линій поднятій, на Памирѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, опасно.

Вотъ все то, что я считалъ возможнымъ сообщить вамъ теперь же, какъ общіе выводы, какъ главнѣйшіе географическіе результаты моего путешествія на Памирѣ. Эти выводы я сѣло, безъ малѣйшаго колебанія и оговорокъ, передаю на вашъ самый строгій научный судъ. Но когда вы будете осмѣливать самую работу экспедиціи и встрѣтитесь съ весьма и весьма многими недочетами по части матеріаловъ, то я попрошу васъ припомнить тѣ невыгодныя условія, при которыхъ пришлось дѣйствовать экспедиціи и о которыхъ я говорилъ въ своемъ введеніи къ прошлому сообщенію.

ОРОГРАФИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ ПАМИРА.

Сообщеніе Д. Л. Иванова.

(Чтано въ засѣданіи соединенныхъ отдѣленій Математической и Физической Географіи 20 апрѣля 1884 г.)

Благодаря разнообразію въ направленіяхъ моихъ маршрутовъ и довольно удачной ихъ комбинаціи, во время послѣдняго моего путешествія по Памиру мнѣ довелось охватить столь значительную часть этой страны, собрать настолько обширные матеріалы о ея строеніи и другихъ характерныхъ чертахъ ея природы, чтобы на

основаніи этихъ данныхъ имѣть возможность твердо уже ориентироваться какъ относительно опредѣленія Памира, такъ и относительно его горизонтальнаго и вертикальнаго разчлененія и отношенія къ окружающимъ его странамъ. Правда, обширные матеріалы, добытые мною, далеко еще не разобраны и не разработаны съ надлежащей полнотой; но и завсѣмъ тѣмъ общія типическія черты этой оригинальной страны настолько своеобразны, что я считаю возможнымъ даже теперь говорить о нихъ въ предвѣтельномъ сообщеніи. Съ другой стороны, сознавая всю сложность и важность взятой на себѣ задачи, я рѣшилъ выдѣлить эту часть своего сообщенія въ Отдѣленіе Географіи, какъ потому, что она касается специальныхъ вопросовъ орографіи, такъ и въ твердой надеждѣ встрѣтить въ средѣ специалистовъ болѣе близкую поддержку моему стремленію къ разъясненію столь важнаго вопроса. Надѣясь на строгую научную прѣработку моихъ взглядовъ, я приступаю къ изложенію относящагося сюда матеріала, который — прибавлю — собирался мною съ полной объективностью, не затемненной ни разу какой-либо предвзятой заранѣе гипотезой.

На трехъ большихъ окраинахъ Памира мы имѣемъ очень рѣзко выраженные его границы. На сѣверѣ Алайскія горы, средняя высота переваловъ которыхъ равняется 12.700 ф.; прибавлю, что горы эти весьма замѣтны, хотя и постепенно повышаются отъ О къ W и достигаютъ своего максимума противъ участка Занку-Тарака. На югѣ — Гиндукушъ, вадмающий свои пики на нѣсколько тысячъ футовъ выше 20.000' — какъ на востокѣ въ сторонѣ Канжута, такъ и на западѣ въ Читрабъ и пограничномъ съ нимъ Кяфиристабѣ. Въ срединѣ мы имѣемъ сильное пониженіе у Баръ-аглы, аналогичное Кизиль-арту въ Заалайской цѣпи (до 12.000 ф. съ небольшимъ?). На востокѣ *Кашгарскія горы*, значительно превосходящія вѣчно снѣговую линію, загораживаютъ Памиръ отъ Джиттышарской котловины, гдѣ вдоль подножій Кашгарской цѣпи располагаются селенія. Начиная отъ сѣверозапада, у нижней тѣнины р. Караарта, горы эти въ срединѣ раздвигаются и дѣлаются выше, достигая въ г. Мустагъ-ата (у М. Каракуля) до 25½ т. ф. н. у. м. Далѣе къ югу онѣ довольно быстро понижаются, сразу открывая просторный выходъ къ Кашгару долинъ Ташкурганской рѣки (абс. высота Ташкургана 10.400') и огораживая водораздѣлъ съ Акъ-су внешнимъ въ это мѣстности переваломъ только въ 14.900' (Низаташ). Но отъ этого пункта въ сторону Тагдубаша горы снова быстро вырастаютъ, сливаясь съ заоблачными никами Карагорумскаго Мустага,

предѣлахъ той обширной площади Памира, которую мнѣ удалось посѣтить самому, я позволяю себѣ сильно сомнѣваться въ существованіи этого меридианализма и въ тѣхъ самыхъ восточныхъ частяхъ, куда мнѣ не довелось проникнуть. Сомнѣніе это основывается на наблюденіяхъ въ ближайшихъ мѣстностяхъ къ тѣмъ, гдѣ горные отроги и гряды имѣли топографически въ высшей степени ясно выраженное меридианальное направленіе, какъ, напримѣръ, горы къ западу отъ верховья Ю. Гези или отъ перевала Улугъ-рабатъ и т. п.

Въ заключеніе сдѣлаю два указанія.

Одно касается направленія Кашгарскихъ горъ, которыя мы видѣли только съ одной стороны. Весьма много существуетъ данныхъ за то, что линія этихъ горъ образовалась отъ сочетанія, нѣсколько разъ повтореннаго сдвѣга *NW*-го направленія, имѣя въ точкахъ соприсоединенія отдѣльныхъ частей сдвѣга наиболѣе энергическое поднятіе горныхъ массъ (Улугъ-артъ, Гезъ, Мустагъ-ата). Другое указаніе относится до вѣроятности встрѣтить на Памирѣ другую, *диагональную ось* пересѣченія Памирскихъ поднятій съ *OS* на *NW*, примѣрно по линіи отъ Алмаана къ Баш-Гумбезу и чрезъ Кудару къ леднику Федченко и Муку, — ось, выразившуюся въ сопадении съ этой линіей полосъ характерныхъ для Памирскаго плоскогорья гранитныхъ жилъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ШУГНАНЪ.

А. Э. Реггеля.

(Изъ № 17 «Туркестанскихъ Вѣдомостей» за 1884 г.).

По ходатайству Императорскаго Географическаго Общества и Императорскаго Ботаническаго Сада, г. И. д. Туркестанскаго генералъ-губернатора признавъ полезнымъ командировать меня въ 1882 году, съ ученой цѣлью, въ Шугнанъ, Вадахшанъ и лежащія на пути части Бухарскаго ханства, прикомандировавъ ко мнѣ, на пять мѣсяцевъ, топографа П. Е. Косыкова и трехъ казаковъ, изъ которыхъ одного лично чина топографа. Необходимыя снаряженія были сдѣланы въ Ташкентѣ и Самаркандѣ; затѣмъ мы двинулись

въ путь изъ Пенджабента въ половинѣ іюня и въ полтора перехода достигли до Кштута, гдѣ раздѣляются дороги въ переваламъ Гиссарскаго хребта. Уже не доходя до Кштута, были встрѣчены на предгорьяхъ интересныя растенія изъ семействъ зонтичныхъ и губоцвѣтныхъ; затѣмъ я сдѣлалъ экскурсію на высокую гору, расположенную на лѣво отъ Кштутской рѣчки, куда манили меня, видные еще издали, роскошныя можжевеловые лѣса, въ которыхъ росли травы, свойственныя нашимъ и семирѣченскимъ альпикамъ.

Дальнѣйшій путь былъ выбранъ нами черезъ озеро Куль-и-каланъ, до котораго отъ Кштута одинъ переходъ; не добывая до озера, мы сдѣлали привалъ въ лѣсу, чтобы заняться сборомъ горной флоры, находившейся въ то время въ полномъ цвѣтѣ. Въ такомъ же пыльномъ расцвѣтѣ представлялись и пагорбныя пастбища по берегамъ живописныхъ озеръ, занимающихъ окруженную величественными снѣжными пирами котловину, на высотѣ почти 1000 футъ, уже въ самомъ соседствѣ ледниковъ. Дорога отъ Куль-и-калана поворачиваетъ на сѣверъ, черезъ крутой отрогъ, украшенный изящно цвѣтущею колючкою, изъ семейства бобовыхъ; затѣмъ путь идетъ по живописной Пасрудской долинкѣ, которая расположена у подножія видимыхъ изъ Самарканда иссолинскихъ низовъ, по имени Чандара. Въ деревнѣ Маргузаръ, недалеко отъ замѣчательнаго естественнаго моста, образованнаго обломкомъ известковой скалы въ самой срединѣ дикаго ущелья, сдѣланъ былъ привалъ и для облегченія вьюковъ, отправлены отсюда въ Самаркандъ всѣ лишнія коллекціи.

Отъ Ниміана, расположеннаго близъ устья Пасрудской рѣчки, въ мѣстности изобилующей каменнымъ углемъ, дорога вьется вдоль берега Исвандерь-дары, которая окаймлена рѣзко раскрашенными горными массами; затѣмъ послѣ затруднительнаго подъема, неожиданно открывается великолѣпная панорама озера Александра Великаго (Исвандерь-куль). Дорога вдоль берега озера оказалась до того обрывистою, что съ нея сорвалась вьючная лошадь. Вскорѣ затѣмъ достигли мы лѣсистаго подножія перевала Мура, склоны котораго были покрыты глубокимъ снѣгомъ. Отсутствие явнообразной растительности на вершинѣ перевала даетъ право принять высоту его приблизительно въ 14000 фут. Спускъ на южную сторону, по солонепку и мшилоку, глубокому снѣгу, былъ крайне затруднителенъ; за то тѣмъ, гдѣ снѣгъ кончился, я былъ вознагражденъ богатѣмъ сборомъ миловидныхъ весеннихъ луковичныхъ цвѣтовъ. На почтѣгѣ, въ лѣсной полосѣ, лошади не нашли себѣ никакого

корму, так как вся мѣстность заросла вреднымъ зонтичнымъ растеніемъ *Frangos uloptera*.

Дорога по Каратагъ-дарьѣ, до деревни Гаками, оказалась одною изъ труднѣйшихъ. Флора въ окрестностяхъ Гаками представляла мало новаго и Гиссарскій хребтъ вообще оказалась во флористическомъ отношеніи бѣднѣе другихъ частей верховьевъ Аму-дарьи.

Въ Каратагѣ, пріемъ со стороны мѣстнаго бека — сына эмира, былъ ласковый; въ этомъ первомъ, встрѣтившемся мнѣ по пути, городѣ Гиссарскихъ владѣній, мнѣ пришлось ожидать разрѣшенія эмира на дальнѣйшее слѣдованіе въ Шугнанъ; желая воспользо-ваться временемъ, я просилъ П. Е. Косикова прослѣдовать впизнь по Кафирнагану до Кобадана, гдѣ дорога оказалась удобною, и двинулся въ Дарвазъ круговою дорогою, черезъ Кулябъ и Муминабадъ. Направивъ выюки на дошамбинскую дорогу, я переправился противъ Гиссара черезъ Кафирнаганъ на плоскогорье, составленномъ изъ мѣховъ, и свернулъ къ горамъ Явапъ, переваливъ предварительно черезъ сѣверные отроги Гази-Майлика; пересѣкъ затѣмъ обширную равнину, въ которой расположенъ кишлакъ Яванъ, и достигъ долины Вахпа лишь на третій день; только здѣсь встрѣтилась измѣненная кустарная флора. Большая дорога по Вахпу направляется къ мосту, занимающему самую узкую часть русла рѣки; на этомъ мосту расположена таможенная застава и отсюда, до Тутъ-Каула, простирается живописное ущелье, окаймленное причудливо сформированными известковыми скалами Каудана и Сангулака. Перевальтъ Тутъ-и-Зиндапъ, ведущій въ Кангуртскую долину, невысокъ и широкъ вѣномъ и кустарникомъ, а дальнѣйшая дорога въ Бальджуанскую долину ведетъ только черезъ незначительныя глинистыя возвышенности, гдѣ бросаются въ глаза луга дикой ржи и дикаго овса. Бальджуанскій бекъ, Рахманкулдатха, считаемый однимъ изъ важныхъ савонниковъ Бухарскаго ханства, пріявлъ меня ласково и старался оказать содѣйствіе при дальнѣйшемъ слѣдованіи.

Проболѣвъ здѣсь съ мѣсяцъ диссентеріей, я двинулся въ августѣ въ Ховалингъ, расположенный на притогѣ Бальджуанской рѣки, и отдѣленный отъ долины Аксу только небольшимъ кряжемъ. Въ послѣдней долинѣ я очутился снова въ роскошной горной природѣ, изобилующей лѣсомъ и интересными травами, и бѣднѣющей только около Талбара, на верховьѣ Аксу, откуда уже близко къ перевалу на Вахию. Слѣдуя по отрогамъ горъ, гдѣ снѣгъ еще не стаялъ, мы прошли прямо въ Сагирдаштъ, рас-

положенный въ котловинѣ, у самаго подножія дарвазскаго перевала. Въ Калаххумбѣ, и вновь свидѣлся съ П. Е. Косиковымъ, который отсюда отправился въ Ванджъ. По совѣту Дарвазскаго бека Маметъ-Мурата оставивъ часть вещей и лошадей въ Калаххумбѣ, я двинулся въ Шугнанъ по дорогѣ черезъ Джумаръ. Изъ двухъ другихъ дорогъ, ведущихъ въ Шугнанъ, одна идетъ черезъ Ванджъ и соединяется съ первой въ Ягулапъ, а третья проходить по берегу Панджа. Джумарческую дорогу я выбралъ по предложенію бека.

Побравшись въ трое сутокъ черезъ ущелье Панджа, я переплылъ на мѣхахъ въ Джумарчъ, откуда отправилъ гонца къ шугнанскому шаху. Оставивъ въ Джумарчѣ послѣднія вещи, я поѣхалъ черезъ отрогъ въ Омаръ и отсюда переправился снова на другую сторону Панджа, противъ устья Ягуланской долины; здѣсь я остановился для выжиданія отвѣта шаха въ деревнѣ Мадераумъ, откуда сдѣлалъ поѣздку въ Андерабъ, передовую крѣпость Ягуланской долины, жители которой говорятъ особеннымъ языкомъ и отличаются своею наружностью и правами отъ дарвазцевъ. Кромѣ того долина эта замѣчательна превосходствомъ разводимыхъ въ ней плодовъ. Черезъ нѣсколько дней люди шаха привели отвѣтъ, что онъ не можетъ помѣшать моему прібытію, но долженъ увѣдомить о немъ афганскія власти. Къ сожалѣнію, одновременно пришло извѣстіе изъ Ванджа, что П. Е. Косиковъ тамъ заболѣлъ и не въ состояніи слѣдовать со мною.

Переходъ черезъ Романскій хребтъ оказался весьма затруднительнымъ. Въ первый день мы поднялись до верхней границы безрешоваго лѣса и нашли здѣсь флору неизвѣстнаго альпійскаго типа. Вскорѣ послѣ полуночи мы отправились далѣе и черезъ роскошныя альпійскія луга достигли утромъ подножія ледниковъ, по которымъ двигались до часа пополудни, осторожно перешагивая трещины. Высота перевала, по всему вѣроятію, около 16000 фут. Стужа была значительная и не позволяла долго любоваться великолѣпнымъ видомъ исполинскихъ горъ по ту сторону Ванджа и краѣй, составляющихъ границу между Романомъ и Шугнаномъ.

Спускъ на южную сторону былъ еще затруднительнѣе подъема, такъ какъ здѣсь, кромѣ естественныхъ препятствій, встрѣчались и искусственныя: глубоко выкопанныя ямы; мѣста, гдѣ скалы были откопаны на самой среднѣй дорогѣ; баррикады изъ наваленныхъ булыжниковъ и спущенныхъ на дорогу громадныхъ камней и тому подобное. Къ вечеру, мы приблизились къ двумъ камоннымъ бап-

пням, заслоняющимъ входъ въ Рошанскую долину; здѣсь меня встрѣтилъ старшій сынъ шаха, онъ же правитель Рошана. Вообще примѣть была хорошей, но въ виду приглашенія шаха не останавливаться на долго въ Рошанѣ, я успѣлъ сдѣлать только небольшую экскурсію по направленію къ Бартагской долинѣ и встрѣтить въ юни на нижней прѣбрежной дорогѣ; они были перевезены съ крайними затрудненіями, такъ что людямъ пришлось спускаться даже на веревкахъ.

По выѣздѣ изъ Кала-и-Вомара, мы переправились въ бродъ черезъ глубокую Бартагскую рѣку, и остановились на довольно просторномъ берегу Панджа; дальнѣйшая дорога оказалась относительно удобною и проходимою даже для верблюдовъ, на которыхъ и пришлось переправить вещи изъ слѣдующаго ночлега Сачера въ Шидвучъ. На всемъ этомъ протяженіи флора была однообразная и состояла изъ тала, тополой, джиды и обыкновенныхъ прибрежныхъ травъ. Видя, что не особенно спѣшатъ провести насъ далѣе, я сдѣлалъ экскурсію въ Шидвучскія горы, гдѣ уже намель интересную альпійскую флору. Въ Варъ-панджѣ, куда я велѣлъ затѣмъ перешелъ, я былъ принятъ хорошо: въ тотъ же вечеръ посѣтилъ меня младшій сынъ шаха, а на другой день и онъ самъ. Шахъ Юсуфъ-Али-ханъ — одна изъ извѣстнѣйшихъ личностей въ этой части Авіи; о коварствѣ и хитрости его ходили самыя тревожныя слухи. На самомъ дѣлѣ, онъ оказался добродушнымъ старикомъ, выражавшимся откровенно о своемъ трудномъ положеніи, и создававшимъ вполне мирную цѣль моей поѣздки.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего прѣзда, я предпринялъ поѣздку на Шиву, и имѣлъ счастье видѣть тамъ, первымъ изъ европейскихъ, громадное, діаметромъ болѣе 40 верстъ, и находящееся на высотѣ 11000 футъ, Шивинское озеро. Флора на озерѣ Шивѣ альпійская, и только на южномъ склонѣ встрѣчаются скудные кустарники можжевельника и пиповника. Вода солоноватая.

Другая поѣздка предпринята была мною на Шахдере, гдѣ я побывалъ вблизи перевала, упоминаемаго англичанами и ведущаго на извѣстный подъ именемъ Маѣ притокъ Ваханскаго начала Панджа. Эта долина оказалась поросшею въ верхнихъ пространствахъ дремучими лѣсами тала, по которому висѣли огромныя лианы изъ рода Clematis. Высоты, особенно расположенныя кругомъ озера Друмъ, находящагося на 12000 футъ надъ уровнемъ моря, избилуютъ горными козлами, а расположенныя ближе къ Памиру — горными, исполнинскими бабранами.

Послѣ Шахдере, я посѣтилъ долину Хунда, гдѣ природа была бѣднѣе. Шугнанскій народъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ овался болѣе или менѣе однороднымъ, обладающимъ особенными нравами и языкомъ.

Послѣ Рождества, я двинулся по направленію къ верхнему теченію Панджа, въ принадлежащій къ Бадахшану горно-промышленный округъ Горанъ, и черезъ Уяръ и Дорморохтъ, по затруднительной, зимней дорогѣ, прибылъ на третій день въ первую горанскую деревню Пахбегъ, гдѣ однако былъ встрѣченъ недружелюбно афганскимъ смотрителемъ копей. Тѣмъ не менѣе, я въ своихъ экскурсіяхъ прошелъ мимо копей, находящихся на другомъ берегу; показаніе, будто здѣсь добываются рубины, не оправдалось: есть только гранаты и другіе, красные, желтые или прозрачные минералы изъ группы кварца.

Въ январѣ 1883 г., послѣ моего возвращенія въ Барпанджу, туда прибылъ афганскій офицеръ и при немъ чиновникъ и 12 солдатъ, требовавшіе моего возвращенія по тому же направленію, откуда я прибылъ. Такъ какъ это было тогда невозможно, то я выговорилъ себѣ отсрочку, и отправился въ путь только въ февралѣ. Уже на дорогѣ къ Кала-и-Вомару, лошади падали безпрестанно въ ямы, образовавшіяся въ глубокомъ снѣгу. Въ двухъ переходахъ ниже Кала-и-Вомара, дорога входитъ въ ущелье, образуемое извилинами рѣки Панджа. Между Шисомъ и Вазугодомъ, дорога была еще проходимая для лошадей, но послѣ Вазуда, откуда насъ сопровождала сотня шугнанцевъ, лошади были гоняемы въ обходъ черезъ крутую гору, а я, съ носильщиками, шелъ лѣшкомъ по прибережнымъ скаламъ, то балансируя на крошечныхъ уступахъ обледѣвлага камня, то держась о первобытныя подмости и лѣстницы. Затѣмъ послѣ небольшого переѣзда верхомъ, вновь пришлось лѣзть черезъ гладкій камень, по которому уже не было ни уступовъ, ни подмоостей; лошадей переправили черезъ воду въ первую дарвазскую деревню Садвачъ, а сами ночевали на снѣгу. На слѣдующее утро мы упустились внизъ по рѣкѣ на мѣхахъ, затѣмъ зарабались опять по камню, и наконецъ уже я встрѣтилъ дошмынскихъ къ намъ лошадей, на которыхъ и поѣхали до слѣдующей переправы.

На третій день, послѣ двухъ переправъ, мы вышли изъ области глубокаго снѣга, но передъ Омаромъ пришлось еще разъ карабкаться по камню и пускать лошадей въ воду. Самой затруднительною оказалось прибрежная, зимняя дорога между Омаромъ

и Джумарчемъ, гдѣ снова пришлось балансировать на первобытныхъ подмосткахъ и лѣстницахъ, на громадной высотѣ надъ рѣкою; нужно замѣтить, что дорога была нарочно исправлена. Крайне мучителенъ былъ также переходъ черезъ Гунаскій перевалъ, по немерзлому, полоторасаженому снѣгу. На перевалѣ, ведущемъ изъ Тевильдара въ Акъ-Су, и встрѣтилъ морозъ, а послѣ того затрудненія кончились и я могъ посвятить себя специальному изученію флоры восточной Вухари.

Похоронные и поминальные обычаи некрещеныхъ чувашъ Симбирской Губерніи во второй половинѣ XVIII в.

Сообщилъ А. Вышеславцевъ.

(Чтано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 6-го марта 1884 г.)

1) *Погоронь*.— Когда больной испускалъ духъ, то старшая въ семьѣ женщина разбивала надъ его головою два сырыхъ куриныхъ яйца. Орудіемъ для разбиванія служила ей такъ называемая у чувашъ *лутюшка*, липовая, освобожденная отъ коры палочка. Такую же непременно палочку употребляли они и при разбиваніи яицъ и въ другихъ случаяхъ: при бракахъ и при рожденіи ребенка. Разбитая надъ головою умершаго яйца выносили и бросали за ворота въ видѣ жертвы нечистому духу. Затѣмъ начиналось снаряжаніе покойника на тотъ свѣтъ: пальцы его на рукахъ и ногахъ перевязывали; глаза, ноздри, ротъ и уши закладывали какою-нибудь матеріей¹⁾; тѣло облачали въ самое лучшее платье, на руки надѣвали рукавицы, а на голову шапку, и въ этомъ видѣ, не полагая умершаго въ особый гробъ, выносили его изъ дому. На пути къ могилѣ, родственники умершаго, конечно, оплакивали его, при этомъ жгли какъ можно больше тряпокъ, надѣясь, что вмѣстѣ съ дымомъ отъ нихъ улетитъ къ небесамъ и душа покойника.

¹⁾ Закладыванію ушей, ноздрей, глазъ и рта придавался тотъ смыслъ, что покойникъ въ жизни своей былъ совершенный простаекъ, человѣкъ темный: уши его, глаза, ротъ и ноздри ничего такого не воспринимали, что доставляетъ они чело-вѣку образованному, развитому.

Могилу для покойника чуваші устроивали обыкновенно большую, широкую, и клали въ нее четыре доски, соединивъ ихъ концы подъ угломъ. По представленіямъ чувашъ, человѣкъ въ царствѣ умершихъ сходитъ опять съ прежде-умершими родственниками и упражняется въ тѣхъ же работахъ, за какими проводилъ жизнь на землѣ. Поэтому, при опусканіи покойника въ могилу, въ нее клали всѣ тѣ инструменты, какіе были въ употребленіи покойника при его жизни, и даже деньги, чтобы онъ имѣлъ возможность заниматься на томъ свѣтѣ торговлею. Сверхъ всего этого накладывали въ могилу и различныхъ свѣдѣй и при прощаніи съ покойникомъ просили его передать все это въ подарокъ прежде-умершимъ родственникамъ. Когда же могила была зарыта, провожавшіе устраивали на ней тривуно: брали остатки свѣдѣй, положенныхъ въ могилу и старались все это потребить тутъ же, воображая при себѣ присутствіе и покойника. Въ заключеніе похоронъ складывали на могилу сельско-хозяйственные принадлежности: тельгу, сапи, хомутъ и другія, и расходились. Иногда на могилѣ умершаго, по собственному его завѣщанію, привязывали для него и лошадь и оставляли ее здѣсь до тѣхъ поръ, пока она умирала съ голоду. Чтобы отличить въсплѣтшія могилу одного чувашенина отъ другаго, на ней ставили столбъ въ ростъ умершаго и вырѣзывали на немъ какіе-либо знаки покойнаго, или его родственниковъ. Иногда, вмѣсто столба, ставили камень, который служилъ потомъ кануникомъ при поминовеніи умершаго.

2) *Поминки*.—Поминки у чувашъ различались малые, среднія и большія. Подъ именемъ малыхъ поминковъ у нихъ извѣстны были поминовенія умершаго въ четвертокъ каждой недѣли, справлявшіяся по вновь умершемъ вплоть до четверга нашей Страстной недѣли и Недѣлю нашей Св. Пасхи. Средними поминками называлось поминовеніе покойника въ седьмой день послѣ его смерти, въ такъ называемыя поминки въ семьѣ. Большія поминки — это тѣ, которыя происходили у чувашъ въ концѣ ноября мѣсяца каждаго года и по вновь умершимъ и по прежде умершимъ.

Малыя поминки въ четвертокъ каждой недѣли совершались обыкновенно такъ: когда наступалъ этотъ день, то въ семьѣ поминкаемаго старались наварить, сколько можно больше, курей. Наваренныя кури раскладывались потомъ по столу; каждый членъ семьи подходилъ къ столу, руками, безъ помощи ножа, отщипывалъ себѣ кусокъ свареннаго мяса и опускалъ его въ общую чашу, въ которой заранѣе налита была вода. Затѣмъ, все это выносили